

Западня

Автор:

Эмиль Золя

Западня

Эмиль Золя

Ругон-Маккары #7

Этот роман Эмиля Золя поразил читателей скандальной правдивостью изображения обыденной жизни и принес автору долгожданные славу и богатство. Муж главной героини напропалую пропадает в кабачке под названием «Западня», но для обитателей городских предместий того времени вся жизнь превращается в «западню», выбраться из которой практически невозможно.

Эмиль Золя

Западня

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

I

Жервеза ждала Лантье до двух часов ночи. Наконец, продрогнув в одной кофточке у окна, она повалилась поперек кровати вся в слезах и забылась лихорадочно-возбужденным сном. Вот уже с неделю Лантье, выходя из «Двуголового Теленка», где они обедали, отправлял ее с детьми спать, а сам

пропадал где-то до поздней ночи, будто бы в поисках работы. Нынче вечером, когда Жервеза караулила его, ей показалось, что она видела, как он входил в танцуюлку «Большой Балкон», который полыхал своими десятью окнами, заливая морем света черную полосу внешних бульваров. Позади Лантье она заметила маленькую Адель, полировщицу, обедавшую в одном ресторане с ними; она шла за Лантье следом, в пяти или в шести шагах, растопырив локти; казалось, она только что выпустила его руку, чтобы не проходить вдвоем под ярким светом фонарей, горевших у входа.

В пять часов утра Жервеза проснулась, разбитая, окоченевшая, и разразилась рыданиями: Лантье все еще не возвратился. В первый раз он не ночевал дома. Она села на край кровати, под лоскутом полинялой ткани, свисавшей со стержня, прикрепленного к потолку веревочками. Мутным от слез взглядом Жервеза медленно обвела свою жалкую комнату, – ореховый комод без ящика, три соломенных стула и маленький засаленный столик, на котором стоял потрескавшийся кувшин. Железная кровать, поставленная для детей, загораживала комод и занимала почти две трети комнаты. Сундук Жервезы и Лантье с откинутой крышкой зиял в углу: он был почти пуст. На дне его из-под грязных носков и сорочек виднелась старая мужская шляпа. На спинках стульев у стены висели истрепанные штаны и рваная шаль – последнее тряпье, которого не брали даже старьевщики. На камине, между двумя непарными цинковыми подсвечниками, лежала пачка нежно-розовых ломбардных квитанций. Это была лучшая комната в номерах, во втором этаже, с окнами на бульвар.

Дети спали рядышком на одной подушке. Восемилетний Клод, выпростав ручки из-под одеяла, тихонько посапывал, а Этьен, которому было только четыре года, обнимал брата за шею, улыбаясь во сне. Когда заплаканные глаза матери остановились на детях, она снова разразилась рыданиями и уткнулась в платок, чтобы заглушить всхлипывания. Туфли свалились с ее ног; она даже не заметила этого, босиком подошла к окну и снова, как ночью, стала ждать, жадно вглядываясь в далекие тротуары.

Номера находились на бульваре Шапель, налево от заставы Пуассоньер. Это был старый двухэтажный дом с прогнившими от дождей ставнями, до половины выкрашенный в темно-красный цвет. Между двумя окнами, над фонарем с разбитыми стеклами, было написано большими желтыми буквами: «Гостиница Гостеприимство, содержатель Марсулье». Прижимая платок к губам, Жервеза вглядывалась вдаль, запрокидывая голову, так как ее слепил свет фонаря. Она смотрела направо, в сторону бульвара Рошешуар, где мясники в окровавленных

фартуках толпились у боен, откуда ветер доносил временами резкий запах животных. Она смотрела влево, окидывая взором длинную ленту улицы, упиравшейся прямо против нее в белую громаду строящейся больницы Ларибуазьер. Она медленно скользила взглядом по городской стене, за которой ночами раздавались крики о помощи, она вглядывалась во все закоулки, в темные углы, черные от сырости и грязи, страшась обнаружить где-нибудь труп Лантье с распоротым животом. Поверх бесконечной стены, опоясывавшей город пустынной серой полосой, уже растекался яркий свет, воздух был пронизан солнечной пылью, уже слышался утренний гул Парижа. Но чаще всего Жервеза, изогнувшись и вытянув шею, глядела в сторону заставы Пуассоньер, словно замороженная непрерывным потоком людей, тележек, лошадей, стекавшим с высот Монмартра и Шапеля и вливавшимся в проем городской стены между двух низких таможенных башен. Оттуда доносился топот стада, топот толпы, которая, при внезапных остановках на мостовой, растекалась бесконечными вереницами мастеровых, идущих на работу с инструментами на плече и хлебом под мышкой. Вся эта мешанина непрерывно поглощалась Парижем, постепенно рассасываясь и растворяясь в нем. Когда Жервезе казалось, что среди идущих она узнает Лантье, она высовывалась из окна, рискуя упасть, а потом еще крепче прижимала платок к губам, как бы стараясь втиснуть в себя свое горе.

Веселый молодой голос оторвал ее от окна.

– Что, хозяина нет, госпожа Лантье?

– Нет, господин Купо, – ответила Жервеза, силясь улыбнуться.

Это был рабочий-кровельщик, снимавший в номерах каморку за десять франков на самом верху. За плечами у него был мешок. Увидя ключ в двери, он вошел не постучав, на правах приятеля.

– Знаете, – продолжал он, – я теперь работаю там, в больнице... Но как хорош, однако, май! Ядовитая погодка, а?

Он взглянул на заплаканное, покрасневшее лицо Жервезы, заметил смятую, но застланную кровать и тихонько покачал головой. Потом подошел к детям, которые все еще спали, розовые, как ангелочки, и сказал, понизив голос:

– Так. Загулял, значит, хозяин... Да вы не расстраивайтесь, госпожа Лантье. Ведь он очень политикой интересуется. Когда на выборах голосовали за Эжена Сю, хорошего парня как будто, – он чуть с ума не сошел. Может статься, и нынче он просидел где-нибудь с друзьями всю ночь напролет и крыл каналью Бонапарта.

– Нет, нет, – с усилием прошептала Жервеза. – Это совсем не то, что вы думаете: я знаю, где Лантье... Боже мой, у всякого свое горе!

Купо подмигнул ей, чтобы показать, что не верит этой выдумке. Он предложил сбегать для нее за молоком, если она не хочет выходить; потом сказал, что она прекрасная, достойная женщина, что в беде она всегда может рассчитывать на него. Как только он ушел, Жервеза вернулась к окошку.

У заставы в холодном утреннем воздухе все еще раздавался топот. Можно было различить слесарей в синих куртках, каменщиков в белых штанах и маляров в «полупальто», из-под которых виднелись длинные блузы. Вдали вся эта масса смешивалась, стиралась в один общий мутный тон с преобладанием грязно-серого и линялого синего. Время от времени кто-нибудь из рабочих останавливался раскурить трубку, а другие шли мимо него не улыбаясь, не перекидываясь словечком; их землисто-серые лица были обращены к Парижу, и город проглатывал их одного за другим зияющим зевом улицы Фобур-Пуассоньер. Но на улице Пуассонье, у двух кабачков, расположенных друг против друга, где как раз открывались ставни, многие замедляли шаг. Прежде чем войти, люди останавливались на краю тротуара и искоса поглядывали на Париж. В руках появлялась какая-то слабость, овладевал соблазн погулять денек. У прилавка, прочищая себе глотку, опрокидывали стаканчик, отхаркивались, плевали, потом чокались, пропускали по второму и толпились, не сходя с места и загромождая помещение.

Жервеза не спускала глаз с кабачка дяди Коломба, на левой стороне: ей показалось, что Лантье вошел туда. Вдруг ее окликнула с улицы толстая простоволосая женщина в фартуке:

– Раненько вы встали, госпожа Лантье!

Жервеза нагнулась.

– А, это вы, госпожа Бош!.. У меня сегодня пропасть работы.

– Да, так вот оно и выходит. Само-то собой ничего не делается.

И начался разговор из окна на улицу. Г-жа Бош была привратницей дома, в котором ресторан «Двуголовый Теленок» занимал нижний этаж. Жервеза часто поджидала Лантье в ее комнатухе, чтобы не сидеть одной с обедающими мужчинами. Привратница сказала, что идет на улицу Шарбоньер: она хотела застать еще в постели должника-служащего, с которого ее муж никак не мог получить за починку сюртука. Потом она стала рассказывать, как вчера один жилец привел к себе женщину и до трех часов ночи никому не давал спать. Но, не переставая тараторить, г-жа Бош пристально, с жадным любопытством оглядывала Жервезу. Казалось, она для того только и пришла, для того и стала под окошком, чтобы выведать что-то.

– Лантье еще не вставал? – внезапно спросила она.

– Да, он спит, – ответила Жервеза и невольно вспыхнула.

Г-жа Бош с удовлетворением заметила на ее глазах слезы и отошла, ругая мужчин паршивыми бездельниками. Но она тут же вернулась и крикнула:

– Ведь вы нынче идете в прачечную, правда?.. Мне тоже нужно кое-что постирать. Я займу для вас место рядом, мы еще поболтаем. – Потом, как бы охваченная внезапной жалостью, она добавила: – А вы бы лучше отошли от окна, бедняжка вы моя. Еще заболеее... Глядите, совсем посинели.

Но Жервеза словно застыла у окошка. Прошло еще два томительно долгих часа. Лавки открылись. Поток блуз, спускавшийся с высот, уже иссяк. Только отдельные запоздавшие рабочие, торопливо шагая, проходили заставу. Те, что застряли в кабачках, продолжали пить, отхаркиваться и плевать. Рабочих сменили теперь работницы: лакировщицы, модистки, цветочницы. Они быстро шли по бульварам, ежась в своей легкой одежонке. Шли они кучками, по три, по четыре, оживленно болтая, хихикая, сверкая глазами и поглядывая по сторонам. Время от времени проходила в одиночку какая-нибудь пожилая работница, бледная, худая, серьезная; она медленно шагала вдоль городской стены, обходя зловонные лужи. Потом пошли служащие. Они дули на пальцы и ели на ходу пятисантимовые булочки. Шли тощие заспанные молодые люди в коротких сюртуках, с синевой под глазами; шли желтые старички с изможденными от долгого сидения в конторе лицами; они быстро семенили по тротуару и

поглядывали на часы, соразмеряя по ним скорость своей ходьбы секунда в секунду. Наконец бульвары приняли свой мирный утренний вид. Соседние рантье прогуливались на солнышке; простоволосые матери в грязных юбках укачивали грудных младенцев и меняли им пеленки на скамейках; сопливые, обтрепанные ребятишки возились кучками, ползали по земле, пищали, смеялись и плакали.

Жервеза чувствовала, что ей становится трудно дышать, – смертельная тоска охватила ее, она больше уже ни на что не надеялась: ей казалось, что все кончено, что время остановилось, что Лантье не вернется никогда. Ее блуждающий взгляд переходил с почерневшей, пропитанной смрадом старой бойни на белесый остов строящейся больницы, сквозь зияющие пустые окна которой видны были голые палаты, куда скоро придет косить смерть. А прямо перед ней, над городской стеной, над шумно пробуждающимся Парижем небо разгоралось все ярче, и сверкающие солнечные лучи ослепляли ее.

Когда Лантье спокойно вошел в комнату, Жервеза уже не плакала. Она сидела на стуле, бессильно опустив руки.

– Это ты, ты! – закричала она, бросаясь к нему.

– Да, я. А дальше что? – ответил он. – Да что ты, одурела, что ли?

Он оттолкнул ее и сердито швырнул свою черную фетровую шляпу на комод. Это был молодой человек лет двадцати шести, маленького роста, с очень смуглой красивой физиономией, с тонкими усиками, которые он все время машинально покручивал. На нем были синие холщовые рабочие штаны и старый, засаленный, узкий в талии сюртук. Говорил он с резким провансальским акцентом.

Жервеза снова опустилась на стул и тихонько, прерывающимся голосом стала жаловаться:

– Я всю ночь глаз не смыкала... я думала, тебя убили... Где ты был? Где ночевал?.. Боже мой! Не говори ничего, я с ума сойду!.. Огюст, где ты был?

– Где надо, там и был, – отвечал Огюст, пожимая плечами. – В восемь часов был в Гласьере, у того приятеля, что хочет открыть шапочную мастерскую. Ну, и засиделся там. Конечно, я предпочел заночевать... И потом – ты отлично знаешь,

я терпеть не могу, когда за мной шпионят. Оставь меня, пожалуйста, в покое!

Жервеза снова зарыдала... Шум голосов, резкие движения Лантье, который сердито двигал стульями, разбудили детей. Они уселись полуголые в кровати и начали ручонками приглаживать волосы. Услыхав материнский плач, они отчаянно заревели: слезы хлынули градом из их заспанных слипавшихся глазенок.

– Ну, пошла музыка! – в бешенстве закричал Лантье. – Смотрите, я уйду! Да, уйду! И на этот раз уйду навсегда!.. Да заткнетесь вы или нет? Прощайте! Я ухожу, откуда пришел.

Он уже схватил было с комода свою шляпу, но Жервеза вскочила, крича:

– Нет, нет!

Она стала ласково унимать детей. Она целовала их волосы, она укладывала их, шепча им нежные слова. Дети сразу затихли, снова улеглись на одну подушку и принялись щипать друг друга, весело смеясь. Утомленный, бледный от бессонной ночи отец бросился на кровать, не сняв даже сапог. Он не уснул. Он лежал с широко раскрытыми глазами и оглядывал комнату.

– Нечего сказать, чистота! – прошептал он.

Потом посмотрел на Жервезу и злобно добавил:

– Ты, кажется, решила больше не умываться?

Жервезе было двадцать два года. Она была довольно высока и стройна, с тонкими чертами лица, уже потрепанного суровой жизнью. Нечесаная, в стоптанных башмаках, в грязной, засаленной белой кофточке, посиневшая от холода, она, казалось, постарела на десять лет за эти несколько часов страшного, мучительного ожидания. Она все еще была пришиблена страхом. Слова Лантье вывели ее из оцепенения.

– Какой ты несправедливый, – заговорила она, приходя в себя. – Ты ведь прекрасно знаешь, я делаю все, что в моих силах. Я не виновата, что мы дошли

до этого... Поглядела бы я на тебя, как бы ты справился с двумя детьми в комнате, где нет даже печки, воду не на чем согреть... Когда мы приехали в Париж, не надо было сразу проедать все деньги. Надо было сейчас же устроиться, как ты мне обещал!

– Скажите, пожалуйста! – закричал он. – Ты транжирила деньги вместе со мной. Нечего теперь жаловаться!

Но Жервеза, казалось, не слушала его; она продолжала:

– В конце концов, если храбро приняться за дело, мы еще можем выкарабкаться... Вчера вечером я говорила с госпожой Фоконье, прачкой с Рю-Нев. С понедельника она берет меня. Если у тебя выйдет что-нибудь с твоим другом из Гласьера, мы оправимся в полгода. Приоденемся, снимем какую-нибудь комнатуху, у нас будет свой угол... Надо работать, работать...

Лантье со скучающим видом повернулся к стене. Жервеза вспылила.

– Так оно и есть! Не очень-то ты любишь работать. Прямо лопаешься от важности. Ты хотел бы одеваться, как барин, и катать девок в шелковых юбках. Теперь, когда я заложила из-за тебя все мои платья, я стала недостаточно красива... Вот оно что!.. Огюст, я не хотела тебе об этом говорить, я бы еще, пожалуй, подождала, – но я знаю, где ты провел ночь. Я видела, как ты входил в «Большой Балкон» с этой шлюхой Аделью! Да, ты удачно выбрал! Она-то чистенькая! Она ведет себя, как принцесса, и имеет на это полное право!.. Весь ресторан спал с ней.

Лантье одним прыжком соскочил с кровати. Лицо его было бледно, глаза стали темными, как чернила. Этот маленький человечек быстро приходил в ярость и сразу переставал владеть собой.

– Да, да, весь ресторан! – повторяла Жервеза. – Скоро госпожа Бош выгонит ее, а вместе с ней и ее сестру, эту тощую клячу. Потому что на лестнице постоянно толкутся мужчины, целый хвост мужчин!

Лантье поднял было кулаки, но тут же подавил в себе желание избить Жервезу. Он схватил ее за руки, свирепо встряхнул и швырнул на детскую кровать. Дети снова громко заплакали. Тогда Лантье опять улегся и пробормотал со свирепым

видом, словно принял вдруг какое-то решение, на которое до сих пор не мог отважиться.

– Ты, Жервеза, сама не знаешь, что ты сейчас наделала... Ты об этом пожалеешь. Вот увидишь.

Дети все еще плакали. Мать, нагнувшись над ними, обнимала обоих, тупо повторяя одни и те же слова:

– Бедняжечки мои, если бы только вас здесь не было!.. Ах, если бы вас не было! Если б вас здесь не было!..

Лантье спокойно лежал на кровати, не слушая причитаний Жервезы, и, уставившись на линялую занавеску, казалось, что-то угрюмо обдумывал. Так он провалялся около часа, борясь со сном, хотя веки его смыкались от усталости. Наконец он повернулся и оперся на локоть; на лице его была написана злобная решимость. Жервеза уже кончила уборку комнаты. Она подняла и одела детей, оправила их постель. Лантье смотрел, как она подметала пол, вытирала пыль с мебели. Но комната все-таки выглядела жалкой и мрачной. Потолок был закопчен; обои отставали от сырых стен; грязь на сломанных стульях и на комодке только размазывалась под тряпкой. Жервеза подвязала волосы перед привешенным к оконному шпингалету маленьким круглым зеркальцем, которым пользовался и Лантье, когда брился, и стала умываться. Лантье внимательно рассматривал ее голые руки, голую шею, все, что было обнажено, как бы сравнивая ее мысленно с кем-то. Он сделал брезгливую гримасу. Жервеза прихрамывала на правую ногу, но это было заметно, только когда она особенно уставала и уже не в состоянии была следить за собой. Сегодня утром, после этой ужасной ночи, она волочила ногу и хваталась руками за стены.

В комнате царила полная тишина, никто не произносил ни слова. Лантье как будто выжидал. Жервеза, снедаемая мукой, старалась казаться равнодушной и торопилась. Когда она стала увязывать в узел грязное белье, засунутое в угол за сундук, он, наконец, открыл рот и спросил:

– Что это ты делаешь?.. Куда ты идешь?

Жервеза ничего не ответила. Но когда он злобно повторил вопрос, она резко и решительно сказала:

– Ты сам отлично знаешь... Я иду стирать. Нельзя же детям жить в грязи.

Он помолчал, пока она собирала платки, и вдруг спросил:

– А деньги у тебя есть?

Жервеза сразу выпрямилась и, не выпуская из рук грязных детских рубашек, посмотрела на него в упор.

– Деньги? Ты, может быть, хочешь, чтоб я воровала?.. Ты сам отлично знаешь, что позавчера я получила три франка за мою черную юбку. С тех пор мы два раза на это пообедали. Еда живо подбирает деньги... Разумеется, никаких денег у меня нет. У меня ровно четыре су на прачечную... Я не подрабатываю, как иные женщины.

Лантье не обратил внимания на намек. Он слез с кровати и стал рассматривать развешенное по комнате старье. Наконец он снял со стены штаны и шаль, отпер комод и вытащил две женских рубашки и кофточку. Все это он бросил Жервезе на руки.

– Пойди заложи.

– Может быть, ты хочешь, чтоб я и детей кстати заложила? – спросила она. – Вот было бы отлично, если бы детей принимали в залог! Сразу бы у нас руки развязались.

Но все-таки она пошла в ломбард. Она вернулась через полчаса, положила на камин пятифранковую монету и присоединила к пачке прежних новую нежно-розовую квитанцию.

– Вот все, что мне дали, – сказала она. – Я просила шесть франков, да не добилась. О, они-то не разорятся... И все-таки там всегда полно народа.

Лантье не сразу взял монету. Он хотел сначала послать Жервезу разменять пять франков, чтобы оставить что-нибудь и ей, но потом, заметив на комоде остатки ветчины в бумаге и кусок хлеба, опустил монету в жилетный карман.

– Я не пошла к молочнице, – продолжала Жервеза, – потому что мы должны ей уже за неделю. Но я скоро вернусь. Пока меня не будет, сходи за хлебом и котлетами к завтраку... Возьми еще литр вина.

Он ничего не ответил. Казалось, снова установился мир.

Молодая женщина продолжала увязывать грязное белье. Но когда она взялась за носки и рубашки Лантье, лежавшие в сундуке, он закричал, чтобы она их не трогала.

– Оставь мое белье, слышишь? Я не желаю!

– Чего это ты не желаешь? – спросила она, выпрямившись. – Не собираешься же ты в самом деле опять надеть эту грязь? Надо выстирать.

Она тревожно вглядывалась в его красивое молодое лицо, выражавшее непреклонную жестокость, которую, казалось, ничто не могло смягчить. Лантье разозлился, вырвал у нее из рук белье и швырнул его в сундук.

– Черт возьми! Да будешь ты слушаться? Говорю тебе, я не желаю!

– Но почему? – спросила она, бледнея, охваченная смутным ужасным подозрением. – Тебе сейчас вовсе не нужны сорочки, ведь ты же никуда не уезжаешь... Не все ли тебе равно, если я заберу их?

Лантье с секунду молчал, смущенный ее пристальным, горящим взглядом.

– Почему... почему... – пробормотал он. – А ну тебя к черту! Ты будешь всюду рассказывать, что я у тебя на шее сижу, что ты стираешь на меня, чинишь. Так вот! Мне это надоело... К черту!.. Занимайся своими делами, а меня оставь в покое. Прачки на босяков не стирают.

Жервеза стала упрашивать его, оправдываясь, что она и не думала жаловаться, но Лантье грубо захлопнул сундук, уселся на него и с ненавистью крикнул:

– Нет! В конце концов, имею же я право распоряжаться своими вещами.

Потом, чтобы избежать ее взгляда, неотступно следившего за ним, он снова улегся на кровать, заявил, что ему хочется спать, и потребовал, чтобы она оставила его в покое. На этот раз он как будто и в самом деле заснул.

Жервеза стояла в нерешительности. Ей хотелось швырнуть узел с бельем, остаться дома, усесться за шитье. Но ровное дыхание Лантье в конце концов успокоило ее. Она взяла шарик синьки и кусок мыла, оставшиеся от последней стирки, и, подойдя к детям, которые спокойно играли под окном старыми пробками, наклонилась, поцеловала их и сказала вполголоса:

– Будьте умниками и не шумите. Папа спит.

Когда она выходила, все в комнате было тихо; только приглушенный смех Клода и Этьена раздавался под закопченным потолком. Было десять часов утра. Узкая солнечная полоска падала в комнату сквозь полуоткрытое окно.

Выйдя на бульвар, Жервеза повернула налево и пошла по Рю-Нев. Проходя мимо заведения г-жи Фоконье, она поклонилась ей. Прачечная находилась в средней части улицы, в том самом месте, где начинается подъем. На крыше низкого, плоского здания три огромных резервуара для воды, три цинковых цилиндра, закрепленных толстенными болтами, выделялись своими серыми округлыми контурами. Позади них, высоко-высоко, на уровне третьего этажа, возвышалась сушильня; сквозь ее ажурные стены из тонких горизонтальных планок, между которыми свободно гулял ветер, видно было белье, сушившееся на латунных проволоках. Справа от резервуаров мерно и тяжело пыхтела узкая труба паровой машины, выбрасывая клубы белого дыма. Войдя в дверь, загроможденную кувшинами с жидким жавелем, Жервеза, привыкшая к лужам, даже не подобрала юбок. Она уже знала хозяйку прачечной, маленькую, хрупкую женщину с больными глазами, сидевшую за своими конторскими книгами в застекленной комнатке. Около нее лежали на полках бруски мыла, шарики синьки в стеклянных банках, пакеты соды по полкило. Проходя мимо нее, Жервеза спросила свой валеk и щетку, оставленные на сохранение с прошлой стирки. Потом, получив номерок, она вошла в прачечную.

Это был огромный сарай с широкими окнами. Выступавшие балки потолка поддерживались чугунными столбами. Сквозь горячие испарения, вздымавшиеся молочным туманом, еле проникал мутный свет. Из всех углов поднимался пар и, расплываясь, обволакивал все голубоватой дымкой. С потолка капало. Тяжелая сырость была пропитана мыльным запахом, застоявшимся, противным,

удушливым. По временам все заглушала густая вонь жавеля. Вдоль прачечной, по обе стороны среднего прохода, стояли вереницы женщин с голыми шеями, с голыми до плеч руками, в подоткнутых юбках, из-под которых были видны ноги в цветных чулках и грубых шнурованных ботинках. Грязные, грубые, нескладные, насквозь промокшие, с багрово-красной дымящейся кожей, они яростно колотили белье, громко хохотали, запрокидывая головы, стараясь перекрыть мощный гул, и снова низко склонялись над лоханями. Вокруг них и под ними хлестали потоки воды, с маху опрокидывались ведра с горячей водой, холодная вода из кранов била сверху сильной струей, из-под вальков летели брызги, с отжимаемого белья лились каскады воды, под ногами хлюпали лужи, и целые ручьи текли по наклонному плиточному полу. И среди этого гвалта и мерного стука, среди бормочущего шороха ливня, среди ураганного гула, гудевшего под мокрым потолком, безостановочно и тяжело хрипела запотевшая белая паровая машина с судорожно трепещущим маховиком, который, казалось, управлял всем этим невообразимым шумом.

Жервеза, поглядывая по сторонам, подвигалась мелкими шажками по среднему проходу мимо снующих во все стороны, толкающихся женщин. Она несла узел с бельем, слегка перегнувшись и сильнее обычного припадая на больную ногу.

– Сюда, сюда, милая! – донесся до нее зычный голос г-жи Бош.

Когда Жервеза подошла, привратница, яростно оттиравшая носки, заговорила безостановочно, ни на секунду не бросая работы:

– Устраивайтесь тут. Я заняла вам место... Я долго стирать не буду. Бош почти совсем не пачкает белья... А вы? Кажется, вы тоже недолго провозитесь... У вас совсем маленький узелок. Мы отделаемся еще до полудня и пойдем завтракать... Раньше я отдавала белье прачке с улицы Пуле, но она мне все изгадила хлором и щетками. Теперь я стираю сама. Гораздо выгодней. Расход только на мыло... Послушайте, эти рубашонки надо сначала хорошенько вымочить. Экие пострелята эти ребятишки: право, у них зад словно сажей вымазан.

Жервеза уже развязала свой узел и выложила детские рубашки. Г-жа Бош посоветовала ей взять ведро щелока, но она ответила:

– Нет, нет. Довольно будет и горячей воды... Я знаю.

Она разобрала белье, отложила в сторону несколько штук цветного и влила в лохань четыре ведра холодной воды из-под крана. Потом, погрузив в воду все нецветное белье, она подобрала юбку, зажала ее между колен и вошла в похожую на ящик клетушку, доходившую ей до живота.

– Ба, да вы все отлично умеете! – проговорила г-жа Бош. – Вы, кажется, были на родине прачкой? Ведь так, моя милая?

Жервеза засучила рукава, обнажив красивые, молодые, белые, чуть розоватые на локтях руки, и принялась за стирку. Она положила рубашку на узкую, изъеденную, побелевшую от воды доску, намылила, перевернула и намылила с другой стороны. Затем, все еще не отвечая, она взяла валик и стала размеренно и сильно бить. Только тут она заговорила, выкрикивая отрывистые фразы в такт ударам:

– Да, да, прачкой... С десяти лет... С тех пор двенадцать лет прошло... Мы ходили на реку... Там пахло получше, чем здесь. Посмотрели бы вы... какой там чудесный уголок... под деревьями... вода чистая, прозрачная... Это было в Плассане... Вы не знаете Плассана?... Около Марселя...

– Вот это да! – восторженно закричала г-жа Бош, восхищенная силой ударов. – Ай да баба! Да вы железо расплющите своими барскими ручками!

Они продолжали разговаривать, стараясь перекрыть шум. Время от времени привратница наклонялась к Жервезе, чтобы расслышать ее. Наконец белье было отбито, и отбито здорово! Жервеза снова погрузила его в лохань и стала вынимать штуку за штукой, чтобы намылить еще раз и затем оттереть щеткой. Придерживая белье на доске одной рукой, она терла по нему короткой, жесткой щеткой, соскребая грязную пену, падавшую клочьями. Под этот глухой скрежет обе женщины, наклонившись друг к дружке, стали разговаривать тише, – разговор принял более интимный характер.

– Нет, мы не женаты, – говорила Жервеза. – Я этого и не скрываю. Лантье вовсе не так уж хорош, чтоб я мечтала выйти за него замуж. Эх, если б не было детей! Когда родился старший, мне было четырнадцать лет, а Лантье – восемнадцать. А через четыре года появился второй. Вот так оно и случилось, как это всегда случается, сами знаете. Мне плохо жилось дома. Старик Маккар бил меня походя, вечно пинал ногами. Ну, вот меня и тянуло из дома, поразвлечься как-

нибудь... Мы могли бы пожениться, да как-то уж так вышло... наши родители были против.

Она стряхнула с покрасневших рук белую пену.

– В Париже жесткая вода, – сказала она.

Г-жа Бош стирала вяло. Она останавливалась, чтобы хорошенько вникнуть в эту историю, занимавшую ее любопытство вот уже две недели, а тем временем у нее в локани опадала пена. Она слушала с полуоткрытым ртом, ее толстое лицо было напряжено, глаза навыворот сверкали. Крайне довольная своей догадливостью, она думала: «Так, так! Ясно. Что-то чересчур она разболталась: видно, они разругались».

И она громко спросила:

– Значит, он не очень-то покладистый?

– Ах, и не говорите! – отвечала Жервеза. – Там, на родине, он был очень хорош со мной; но с тех пор, как мы переехали в Париж, я никак не могу свести концы с концами. У него, видите ли, в прошлом году умерла мать. Она оставила ему что-то около тысячи семисот франков. Он решил переехать в Париж. Ну, а так как папаша Маккар лупил меня нещадно, я и решила уехать с Лантье. Мы взяли с собой обоих детей. Он хотел устроить меня в прачечной, а сам собирался работать шапочником. Мы могли быть очень счастливы... Но, видите ли, Лантье слишком много о себе воображает, к тому же он мот: думает только о своем удовольствии. В конце концов, он не многого стоит... Сначала мы остановились в отеле «Монмартр», на улице Монмартр. Ну и пошли обеды, извозчики, театры, ему – часы, мне – шелковое платье... Когда есть деньги, он очень добрый. И вот в два месяца мы растрясли решительно все. Тогда-то мы и поселились в этих номерах, и началась эта проклятая жизнь...

Жервеза запнулась, слезы снова сдавили ей горло. Она уже кончила отстирывать белье.

– Надо сходить за горячей водой, – прошептала она.

Но г-жа Бош, очень недовольная тем, что столь откровенный разговор может прерваться, подозвала проходившего мимо служителя:

– Шарль, милейший, будьте добры, сходите за горячей водой для госпожи Лантье. Она очень торопится.

Шарль взял ведро и скоро вернулся с водой. Жервеза заплатила ему, – ведро стоило одно су, – и, вылив горячую воду в лохань, стала намыливать белье в последний раз без щетки, руками, низко нагнувшись над скамьей, вся окутанная паром, который легкими серыми струйками пробежал по ее светлым волосам.

– Надо положить соды; вот, возьмите у меня, – любезно предложила привратница.

И она высыпала в лохань Жервезы остатки соды из своего пакета. Потом она предложила ей жавеля, но Жервеза отказалась, сказав, что жавель хорош только для сальных или винных пятен.

– Я думаю, он не прочь приволокнуться, – продолжала г-жа Бош, имея в виду Лантье, но не упоминая его имени.

Жервеза стояла согнувшись, погрузив руки в белье. Она только кивнула головой.

– Да, да, – продолжала г-жа Бош, – я и сама не раз замечала это за ним... – Но она тут же спохватилась, так как Жервеза внезапно подняла голову и, выпрямившись, вся бледная, так и впиалась в нее глазами.

– Нет, нет! Я ничего не знаю! – закричала г-жа Бош. – Разве что он любит посмеяться, вот и все!.. Ну и эти две девчонки, что живут у нас: Адель и Виржини – вы ведь знаете их? – так вот, он не прочь пошутить с ними. Ну и что же из этого? Дальше шуток дело не идет, в этом я уверена.

Жервеза стояла перед ней с потным лицом, с мокрыми руками и глядела на нее пристальным, упорным взглядом. Тут привратница в сердцах стала бить себя кулаком в грудь и божиться.

– Да говорят вам, я ничего не знаю! – кричала она.

Потом, успокоившись, она прибавила сладеньким голосом, каким говорят, чтобы скрыть от человека тяжелую истину:

– По-моему, у него очень честные глаза... Он женится на вас, уж поверьте, моя милая!

Жервеза вытерла лоб мокрой рукой. Потом она тряхнула головой и вытащила из воды белье. Обе несколько минут молчали. Прачечная затихла. Пробило одиннадцать часов. Большинство прачек принялись закусывать. Они ели хлеб с колбасой, присев на краешек лоханок и поставив в ногах откупоренные бутылки с вином. Только хозяйки, пришедшие с маленькими узелками, торопились достирать свое белье и все время поглядывали на часы, висевшие над конторской будкой. Редкие удары вальков раздавались среди тихих смешков, разговоров и жадного чавканья жующих челюстей, между тем как паровая машина, трудившаяся без передышки, казалось, повысила голос, наполнив огромный сарай своим судорожным хриплым гулом. Но женщины не слышали ее. Этот гул был как бы обычным дыханием прачечной, знойным дыханием, от которого под балками потолка скапливались непрестанно колыхавшиеся клубы пара. Жара становилась невыносимой. Солнечные лучи, падавшие слева, сквозь высокие окна, расцвечивали стелющийся, клубящийся пар в нежные опаловые, серовато-розовые и голубовато-серые тона. И так как все кругом стали жаловаться на жару, то Шарль, переходя от окна к окну, задернул на солнечной стороне плотные шторы; потом он перешел на теневую сторону и открыл форточки. Его восторженно приветствовали, ему аплодировали; волна веселости прокатилась по прачечной. Между тем замолкли и последние вальки. Теперь прачки уже не говорили, а только жестикулировали ножами, зажатыми в кулаки: рты их были набиты едой. Стало так тихо, что ясно слышен был размеренный скрежет лопаты истопника, подбиравшего с пола каменный уголь и швырявшего его в топку машины.

Жервеза стирала цветное белье в горячей мыльной воде. Кончив, она придвинула козелки и перекинула через них белье, с которого сейчас же натекали на пол голубоватые лужи. Тогда она взялась за полоскание. Позади нее, под холодным краном, стоял привинченный к полу пустой бак с двумя деревянными перекладами для поддержки белья. Над баком были устроены еще две переклады, на которые белье вешалось, чтобы с него стекала вода.

– Ну, вот я и кончаю. Это неплохо, – сказала г-жа Бош. – Я останусь и помогу вам все выжать.

– О, спасибо, не стоит: мне вовсе не трудно, – ответила Жервеза, уминая кулаками и прополаскивая в чистой воде цветное белье. – Вот если бы у меня были простыни, тогда другое дело.

Но ей все-таки пришлось воспользоваться помощью привратницы. Они вдвоем, с двух концов, выжимали коричневую шерстяную юбчонку, с которой стекала желтая вода, – как вдруг г-жа Бош воскликнула:

– Смотрите-ка, долговязая Виржини!.. Что ей здесь надо? Неужели она пришла стирать эти лоскуточки, завязанные в носовом платке?

Жервеза резким движением подняла голову. Виржини, темноволосая девушка одного с нею возраста, но значительно выше ее, была очень недурна собой, несмотря на несколько вытянутое, длинное лицо. Одета она была в старое черное платье с воланами, на шее у нее была красная ленточка; волосы тщательно уложены узлом и подхвачены синей шелковой сеткой.

Остановившись в среднем проходе, она, прищурившись, глядела по сторонам, как бы отыскивая кого-то; заметив Жервезу, она выпрямилась, направилась в ее сторону, спокойно прошла мимо, нахально покачивая бедрами, и устроилась в том же ряду, через пять лоханей.

– Что за причуда такая, – тихо продолжала г-жа Бош. – Никогда она ничего не стирает! Вот уж бездельница, поверьте мне! Портниха, которая даже своих вещей починить не может! Точь-в-точь такая же, как ее сестра, эта негодяйка Адель, полировщица! Та ходит в мастерскую через два дня на третий! Никто не знает, кто их отец и мать, никто не знает, чем они живут! Да, если бы порассказать... Что это она там трет? Черт! Да это юбка! Боже, какая отвратительная грязь! Да, юбка эта видала виды!

Г-жа Бош, очевидно, хотела доставить Жервезе удовольствие. А по правде говоря, она частенько пила у Виржини и Адели кофе, особенно когда у них бывали деньги. Жервеза ничего не отвечала; она торопилась, руки ее тряслись, как в лихорадке. Разведя синьку в маленькой шайке на трех ножках, она стала погружать в нее белье штуку за штукой. Прополоскав белье в подсиненной воде, она сейчас же вынимала его, слегка отжимала и развешивала на деревянных перекладинах. Работая, Жервеза нарочно все поворачивалась к Виржини спиной. Но она слышала ее вызывающие смешки и чувствовала на себе ее косые взгляды. Казалось, Виржини только затем и пришла, чтобы позлить ее. Когда

Жервеза на секунду обернулась, они пристально поглядели друг другу в глаза.

– Оставьте ее, – прошептала г-жа Бош. – Ведь не собираетесь же вы вцепиться друг другу в волосы!.. Я вам говорю, ничего решительно не было! И потом, ведь это не она!

Жервеза повесила последнюю рубашку. В эту минуту у дверей послышался смех.

– Тут двое парнишек спрашивают мамашу! – крикнул Шарль.

Все женщины обернулись. Жервеза узнала Клода и Этьена. Разглядев мать, они побежали к ней, шлепая по лужам, в своих расшнуровавшихся ботинках. Каблучки звонко щелкали по плитам. Клод как старший держал брата за руку. Видя, что они немного испуганы, хотя и стараются улыбаться, прачки подбодряли их ласковыми словами. Подбежав к матери, дети остановились и, все еще держась за руки, подняли белокурые головки.

– Вас прислал папа? – спросила Жервеза.

Но, наклонившись, чтобы завязать Этьену шнурки, она заметила, что у Клода болтается на пальце ключ от комнаты с медным номерком.

– Господи! Ты принес мне ключ? – сказала она с удивлением. – Зачем это?

Ребенок, увидав на своем пальце ключ, о котором он успел забыть, сразу, казалось, вспомнил, в чем дело, и звонко закричал:

– Папа уехал!

– Он пошел купить что-нибудь к завтраку и послал вас за мной?

Клод поглядывал на брата и колебался, не зная, что сказать. И вдруг выпалил одним духом:

– Папа уехал... Он соскочил с кровати, он сложил все вещи в сундук, и он отнес сундук в фиакр... Он уехал.

Жервеза побледнела и медленно поднялась, сжимая руками щеки и виски, как будто чувствовала, что у нее вот-вот треснет голова. Она не находила слов и тупо бормотала:

– Ах, боже мой!.. Ах, боже мой!.. Ах, боже мой!..

А тем временем г-жа Бош в полном восторге от того, что она оказалась участницей такой истории, выпрашивала малыша:

– Послушай, детка, ты Расскажи все по порядку. Папа запер дверь и велел тебе отнести сюда ключ, ведь так? – Тут она понизила голос и уже на ухо спросила у Клода: – А в фиакре была дама?

Ребенок опять замялся, а потом снова, с торжествующим видом, повторил свой рассказ:

– Он соскочил с кровати. Он сложил все вещи в сундук и уехал.

Как только г-жа Бош оставила его в покое, он потащил брата к крану. Оба с увлечением стали пускать воду.

Жервеза не могла плакать, она задыхалась. Закрыв лицо руками, она молча стояла, прислонившись к лохани. Короткая дрожь сотрясала ее. Время от времени она глубоко вздыхала, еще крепче прижимая кулаки к глазам, как бы стараясь обратиться в ничто, исчезнуть перед ужасом своего одиночества. Ей казалось, что она падает в мрачную пропасть.

– Ну, бросьте, милая, полно, – шептала г-жа Бош.

– Если бы вы знали! Если бы знали! – сказала, наконец, Жервеза еле слышно. – Он послал меня утром в ломбард заложить мою шаль и рубашки, чтобы заплатить за этот фиакр...

И она заплакала. Вспомнив о ломбарде, она только теперь поняла истинный смысл утренней сцены и разразилась рыданиями. Так вот зачем он послал ее в ломбард!.. Эта гнусная уловка Лантье наполнила ее душу нестерпимой горечью и терзала больше всего. Слезы, которые уже давно душили ее, вдруг обильно

потекли по лицу; она смахивала их мокрыми руками, ей даже не приходило в голову вынуть платок.

– Да образумьтесь же вы, придите в себя, на вас смотрят, – повторяла г-жа Бош, суетясь около нее. – Стоит ли так убиваться из-за мужчины! Значит, вы все еще любите его, бедняжка вы моя? А ведь вот только что вы так возмущались им! И вот вы плачете, раздираете себе из-за него сердце... Господи, какие мы глупые! – Потом она начала проявлять материнские чувства: – И такая хорошенькая женщина, как вы! Да разве можно?.. Я думаю, теперь уже надо рассказать вам все, верно? Ну, вот! Когда я подошла к вашему окошку, я уже подозревала... Вы только представьте себе: сегодня ночью, когда Адель возвращалась домой, я услышала, кроме ее шагов, еще какие-то мужские. Я, конечно, выглянула на лестницу, чтобы узнать, кто это. Чужой мужчина был уже на третьем этаже, но я сразу узнала сюртук господина Лантье. Бош сторожил утром лестницу и видел, как он совершенно спокойно уходил... Он спал с Аделью, понимаете? У Виржини уже есть любовник: она ходит к нему два раза в неделю. Но ведь это в конце концов просто нечистоплотно! У них одна комната и одна постель, и я, право, не понимаю, где могла спать Виржини.

Она на минуту остановилась, оглянулась и снова заговорила своим грубым, глухим голосом:

– Вы плачете, а эта злюка смеется там над вами. Головой ручаюсь, что ее стирка только для отвода глаз... Она устроила ту парочку и пришла сюда, чтобы рассказать им, что с вами было, когда вы узнали...

Жервеза отняла руки от лица и посмотрела. Виржини стояла с тремя или четырьмя женщинами и, пристально глядя на нее, тихо рассказывала им что-то. Неистовая ярость охватила Жервезу. Вытянув руки, она принялась шарить по полу, топчась на месте и дрожа всем телом; потом сделала шаг, другой, натолкнулась на полное ведро, схватила его обеими руками и выплеснула со всего маху.

– Ах, стерва! – закричала долговязая Виржини.

Она отскочила назад: вода попала ей только на ноги. Прачки, взволнованные слезами Жервезы, уже толпились кругом: им не терпелось посмотреть на драку. Те, которые только что сидели и жевали, взобрались на лохани, другие

сбегались, размахивая мыльными руками. Образовался круг.

– Ах, стерва! – повторяла Virжини. – Да она взбесилась!

Жервеза стояла с искаженным лицом, выдвинув вперед подбородок, и ничего не отвечала. Она еще не владела искусством парижской брани. А Virжини продолжала орать:

– Вот дрянь-то! Ей надоело таскаться по провинции! Она там с двенадцати лет путалась с каждым солдатом! Подстилка солдатская! Она и ногу там потеряла!.. Смотрите, у нее нога совсем отгнила!..

Раздался смех. Ободренная успехом, Virжини подошла на два шага, выпрямилась и заорала еще громче:

– Ну, подходи, что ли! Посмотришь, как я тебя отделаю! Смотри, лучше не надоедай нам! Шкура! Я ее хорошо знаю. Пусть она только тронет меня, я ей задам! Пусть она скажет, что я ей сделала... Говори, рожа, что я тебе сделала?

– Не разговаривайте много, – бормотала Жервеза. – Вы отлично знаете... Моего мужа видели вчера вечером... Замолчите, иначе я вас сейчас задушу.

– Ее мужа! Да она смеется, что ли? Муж!.. Как будто у таких бывают мужья! Я не виновата, что он тебя бросил. Может быть, я украла его у тебя? Пусть меня обыщут!.. Если хочешь знать, ты ему отравляла жизнь! Он был слишком хорош для тебя!.. Да был ли у него ошейник по крайней мере? Кто разыщет мужа этой дамы? Будет выдано вознаграждение...

Смех возобновился. Жервеза тихо, почти шепотом повторяла одни и те же слова:

– Вы отлично знаете, отлично знаете... Это ваша сестра. Я задушу вашу сестру...

– Ну, что ж, поди сцепись с моей сестрой, – отвечала, издеваясь, Virжини. – Ах, так это моя сестра? Что ж, может статься! Моя сестра немножко почище тебя!.. Да какое мне до всего этого дело? Что мне, нельзя и постирать спокойно? Оставьте меня в покое! Слышишь, ты? Довольно!

Она отошла, но, сделав пять или шесть ударов вальком, вернулась опять, разгоряченная, опьяненная собственной бранью. Она то умолкала, то снова принималась ругаться.

– Ну да! Это моя сестра. Что ж, довольна ты?.. Они обожают друг друга. Посмотреть только, как они воркуют!.. Он бросил тебя с твоими ублюдками! Нечего сказать, ангелочки. У них все рожи в струпьях! Один из них от жандарма – ведь так? – а трех других ты уморила для легкости, чтобы не тащить с собой в дорогу!.. Это нам твой Лантье говорил! Да, хорошенькие вещи он нам рассказывал! Сколько он вытерпел с тобой, шкура!

– Шлюха! Шлюха! Шлюха! – заорала Жервеза, вся дрожа от бешенства.

Она повернулась, опять пошарила по полу и, найдя только маленькую шайку с синькой, схватила ее и выплеснула Виржини в лицо.

– Ах, мерзавка! Она изгадила мне платье! – закричала Виржини, у которой плечо и левый рукав сразу стали синими. – Ну, погоди, сволочь ты этакая!

Она, в свою очередь, схватила ведро и выплеснула его на Жервезу. Началось настоящее сражение. Обе женщины бегали вдоль ряда лоханей, хватали полные ведра, возвращались и опрокидывали их друг другу на голову. Каждое ведро сопровождалось взрывом ругательств. Теперь уже и Жервеза отвечала:

– На, получи, паскуда!.. Остуди себе зад!

– А, стерва!.. Вот тебе! Умойся хоть раз в жизни!

– Я тебе отмочу грязь, рвань панельная!

– На, на, вот еще!.. Выполощи себе пасть и принарядись для ночного дежурства на углу улицы Бельом!

Дошло до того, что они стали наливать ведра из-под кранов. Пока ведра наполнялись, они наперерыв осыпали друг друга площадной бранью. Первые ведра были выплеснуты неудачно: они только слегка обрызгали друг дружку. Но постепенно обе набили себе руку. Виржини первая получила прямо в

физиономию: вода хлынула ей за шиворот, потекла по спине, по груди и вытекла из-под юбки. Не успела еще она прийти в себя, как слева, из другого ведра, поток воды ударил ее по левому уху и промочил шиньон, который раскрутился и повис. Жервеза пока что получала только по ногам: одно ведро попало в башмаки и промочило платье до колен, два следующих промочили ее до пояса. Впрочем, скоро стало уже невозможно оценивать удары. Обе противницы промокли с ног до головы, лифы прилипли у них к плечам, юбки приклеились к бедрам. Сразу похудевшие, посиневшие, они дрожали с головы до ног; вода текла с них ручьями, как с зонтов в проливной дождь.

– Есть на что поглядеть! – сказала сиплым голосом одна из прачек.

Прачечная наслаждалась. Стоявшие впереди то и дело пятились назад, чтобы их не окатило водой. Среди шума выплескиваемых с размаху ведер, похожего на шум спущенной плотины, раздавались аплодисменты, сыпались шуточки. По полу текли целые потоки, обе женщины шлепали по щиколотки в воде. Но Виржини пустилась на предательство. Она вдруг схватила ведро с кипящим щелоком, приготовленным одной из соседок, и плеснула им в Жервезу. Раздался крик. Все думали, что Жервеза обварилась, но щелок только слегка обжег ей левую ногу. Обезумев от боли, она изо всех сил швырнула пустое ведро под ноги Виржини. Та упала.

Все прачки заголосили разом:

– Она сломала ей ногу!

– А как же! Ведь та хотела ошпарить ее!

– В конце концов, белокурая права. Ведь у нее отняли любовника!

Г-жа Бош, вздымая руки к небу, испускала горестные вопли. Она благоразумно укрылась между двумя лоханями. Испуганные, задышавшиеся от слез Клод и Этьен держались за ее юбки и дрожащими плачущими голосами тянули:

– Мама! Ма-а-ма!..

Когда Виржини упала, г-жа Бош подбежала к Жервезе и стала дергать ее за платье, повторяя:

– Господи, да уйдите же! Опомнитесь... У меня просто сердце кровью обливается! Ведь это сущее смертоубийство!

Но она тотчас же ретировалась и снова спряталась с детьми между лоханями. Виржини вскочила и бросилась на Жервезу. Она схватила ее за горло и стала душить. Но Жервеза, изогнувшись всем телом, вывернувшись, вцепилась ей в шиньон и повисла на нем всей тяжестью, словно намереваясь оторвать ей голову. Драка возобновилась, – на этот раз молчаливая, без криков, без ругательств. Они сходились не грудь с грудью, а царапались, растопырив скрюченные пальцы, стараясь угодить друг дружке в лицо, ущипнуть, разорвать, расцарапать. Красная лента и синяя шелковая сетка были сорваны с брюнетки, лиф у нее лопнул у ворота, обнажилась шея и плечо; у блондинки белая кофточка висела лохмотьями, один рукав исчез неведомо куда, и из разодранной рубашки проступало голое тело. Ключья одежды летали в воздухе. У Жервезы первой показалась кровь: три длинных царапины шли от рта к подбородку. Боясь окриветь, она защищала глаза и прикрывала их при каждом ударе. Виржини еще не была окровавлена. Жервеза метила ей в уши и бесилась, что не могла достать их. Наконец она ухватила сережку, маленькую грушу из желтого стекла, дернула и разорвала мочку уха. Брызнула кровь.

– Они убьют друг друга! Разнимите этих безобразниц! – раздалось несколько голосов.

Прачки придвинулись ближе. Образовалось две партии: одни науськивали противниц, как дерущихся собак; другие, более чувствительные, отворачивались, дрожа, кричали, что с них довольно, что им дурно делается. Началась перебранка; свалка грозила сделаться общей: уже протягивались голые руки, раздалось две-три оплеухи.

Между тем г-жа Бош разыскивала Шарля, служителя при прачечной.

– Шарль! Шарль!.. Да где же он?

Наконец она разыскала его. Шарль стоял в первом ряду и, скрестив руки, любовался дракой. Это был здоровенный малый с бычьей шеей. Он смеялся, он

наслаждался зрелищем обнаженного женского тела. Блондинка была жирненькая, как перепелочка. Вот уморительно было бы, если бы у нее совсем лопнула рубашка!

– Ишь ты, – прищуриваясь, шептал Шарль, – у нее родинка под мышкой!..

– Как! Вы здесь? – закричала, завидев его, г-жа Бош. – Да помогите же нам разнять их!.. Ведь вы отлично можете справиться с ними!

– Ну, нет, спасибо. Только не я, – хладнокровно отвечал Шарль. – Мне и так прошлый раз чуть глаз не выцарапали... Я здесь не для того поставлен; у меня и своей работы довольно... И потом, чего вы так боитесь? Им только полезно маленькое кровопускание. Они станут нежнее от этого.

Тогда привратница заявила, что пойдет за полицией. Но хозяйка прачечной, хрупкая женщина с больными глазами, решительно воспротивилась.

– Нет, нет, я не хочу. Это осрамит мое заведение, – повторяла она.

Борьба продолжалась на полу. Вдруг Виржини поднялась на колени. Она подхватила лежавший на полу валец, взмахнула им и хриплым, изменившимся голосом закричала:

– А ну, подставляй свое грязное белье!

Жервеза быстро протянула руку, в свою очередь, схватила валец и подняла его, как дубинку. Она тоже прохрипела:

– А! Ты захотела хорошей взбучки?.. Подставляй кожу, я накрою из тебя ремней!

Несколько секунд они стояли так на коленях, угрожая друг другу. Растрепанные, грязные, распухшие, бурно дышащие, они настороженно выжидали, переводя дыхание. Первый удар нанесла Жервеза: ее валец скользнул по плечу Виржини. Она сейчас же рванулась в сторону, чтобы избежать ответного удара, который только слегка задел ее по бедру. Постепенно войдя в раж, они стали свирепо и ритмично колотить друг друга, как прачки колотят белье. Глухие звуки ударов были похожи на шлепанье рукой по воде.

Прачки вокруг них больше уже не смеялись. Многие отошли, говоря, что их тошнит от этого зрелища. Оставшиеся толпились, вытягивая шеи, в глазах у них загорелся жестокий огонек.

Г-жа Бош увела Клода и Этьена; их плач, доносившийся с другого конца прачечной, смешивался с глухими ударами вальков.

Вдруг Жервеза вскрикнула. Виржини со всего размаху ударила ее по обнаженной руке, выше локтя. Выступило красное пятно, кожа мгновенно вздулась. Жервеза в бешенстве ринулась на противницу. Казалось, она сейчас убьет ее.

– Довольно! Довольно! – закричали кругом.

Но лицо Жервезы было так страшно, что никто не решился подойти, С удесятеренной силой схватила она Виржини поперек туловища, согнула ее, прижала лицом к полу. Несмотря на то, что Виржини брыкалась, она задрала ей юбки на голову. Под юбками оказались панталоны. Жервеза засунула руку в разрез, рванула и обнажила ноги и ягодицы. Потом, схватив валеk, она начала бить, как, бывало, била когда-то солдатское белье на берегу Вьорны, в Плассане. Валеk с мягким звуком врезался в тело. С каждым ударом на белой коже выступала красная полоса.

– Ой! Ой! – шептал изумленный и восхищенный Шарль; зрачки его расширились.

Снова пробежал смех. Но скоро возобновились крики:

– Довольно! Довольно!

Жервеза не обращала на это внимания и продолжала бить. Она наклонялась и рассматривала свою работу, стараясь не оставить ни одного живого места. Ей хотелось исполосовать, изукрасить Виржини всю кожу. И в порыве злобной радости, вспомнив песенку прачек, она приговаривала в такт:

Хлоп, хлоп! Марго на стирке...

Хлоп, хлоп! Бей вальком...

Хлоп, хлоп! Выбели сердце...

Хлоп, хлоп! Черно от мук...

И продолжала: – Это тебе, это твоей сестре, это Лантье... Передай им, когда вернешься... Запомни хорошенько. Я начинаю сначала! Это Лантье, это твоей сестре, а это тебе...

Хлоп, хлоп! Марго на стирке...

Хлоп, хлоп! Бей вальком...

Пришлось оторвать ее от Виржини силой. Брюнетка, вся в слезах, красная, пристыженная, подхватила свое белье и скрылась. Она была побеждена. Между тем Жервеза кое-как оправила кофту и юбку. Рука у нее болела. Она попросила г-жу Бош помочь ей взвалить белье на плечи. Привратница без умолку болтала о драке, описывая свои ощущения, предлагала осмотреть Жервезу, – все ли в порядке:

– Весьма возможно, что она сломала вам что-нибудь... Я слышала какой-то хруст...

Но Жервеза хотела поскорее уйти домой. Она не отвечала ни на жалостливое сочувствие, ни на шумные приветствия окружавших ее прачек. Как только белье было взвалено на плечи, она пошла к дверям, где ее ждали дети.

– С вас два су. За два часа, – сказала, останавливая ее, хозяйка прачечной, уже вернувшаяся в свою застекленную комнатку.

Какие два су? Жервеза не понимала, что с нее требуют плату за стирку. Потом она отдала два су и ушла, сильно хромая под тяжестью мокрого белья. Подбородок ее был окровавлен, над локтем налился синяк, с нее текло; она держала обнаженными руками ручонки Клода и Этьена, все еще вздрагивавших и всхлипывавших на ходу.

За ее спиной прачечная снова зашумела, как спущенная плотина. Прачки уже съели хлеб и выпили вино. Возбужденные дракой Жервезы и Виржини, они еще сильнее колотили белье, их лица пылали. Снова у лоханей бешено задвигались

руки, и угловатые силуэты женщин, похожие на марионеток, с надломленными спинами, с вывернутыми плечами резко выпрямлялись и сгибались, как на шарнирах. Снова пошли оживленные разговоры с одного конца прохода на другой. Выкрики, смешки, голоса, непристойные словечки смешивались с гулким хлюпаньем воды. Шумно плевались краны, опрокидывались ведра, и реки воды текли под скамьями. Это была кипучая послеобеденная работа, – вальки так и молотили белье. Пар в огромной комнате порыжел, пронизанный пятнами солнечного света, – золотыми кружочками, проникавшими сквозь прорванные занавеси. Воздух был пропитан теплым душным запахом мыльных испарений. Потом вдруг все сразу наполнилось белым клубящимся паром. Огромная крышка чана, в котором кипел щелок, автоматически поднялась на зубчатом центральном стержне, и зияющая медная глотка извергла из своих кирпичных глубин крутящиеся вихри пара, сладко пахнувшего поташом. А в стороне безостановочно работали сушилки. Белье, сложенное в чугунных цилиндрах, отжималось вращением колеса пыхтящей, окутанной клубами пара машины, сотрясавшей всю прачечную непрерывной работой своих стальных рук.

Войдя в подворотню гостиницы «Гостеприимство», Жервеза заплакала. Это была темная, узкая подворотня с проложенной вдоль стены канавкой для стока грязной воды. Зловоние, ударившее Жервезе в нос, заставило ее вспомнить две недели, проведенные здесь с Лантье, две недели тяжких лишений и ссор. Воспоминание о них вызывало в ней в эту минуту горькое сожаление. Ей казалось, что теперь она осталась одна в целом мире.

Опустевшая комната была полна солнца, врывавшегося в открытое окно. Солнечный поток, этот столб пляшущей золотой пыли, придавал еще более жалкий вид почерневшему потолку и стенам с отставшими обоями. На гвозде у камина висела одна только женская косыночка, скрученная как веревка. Детская кровать, заслонявшая раньше комод, была вытащена на середину комнаты. Комод стоял с выдвинутыми пустыми ящиками.

Лантье перед уходом мылся. Он извел всю помаду, которая была завернута в игральную карту. На два су помады! Таз был полон грязной мыльной воды. Лантье ничего не оставил, ничего не забыл. Угол, в котором стоял раньше сундук, казался Жервезе какой-то огромной дырой. Она не нашла даже круглого зеркальца, висевшего на оконном шпингалете. Вдруг ее охватило тревожное предчувствие, и она посмотрела на камин. Между двумя непарными цинковыми подсвечниками уже не было нежно-розовой пачки: Лантье унес и ломбардные квитанции.

Жервеза развесила белье на спинках стульев и остановилась, тупо оглядываясь по сторонам. На нее нашло такое оцепенение, что она даже не плакала. Из четырех су, припасенных для прачечной, у нее осталось только одно... Потом, услышав смех Клода и Этьена, она подошла к ним и охватила руками их головки. На минуту она забылась, глядя на серую мостовую, где утром она видела поток рабочего люда, пробуждение гигантской работы Парижа. А сейчас эта мостовая накалилась, и от нее поднимался над городом огненный отблеск, расплывавшийся за городской стеной. И вот на эту-то мостовую, в эту пылающую печь выброшена она, – одна, с двумя малютками. Она обвела взглядом бульвары, убегавшие направо и налево, пристально вгляделась сначала в один конец, потом в другой, и ее охватил глухой ужас, словно отныне вся жизнь ее должна была сосредоточиться здесь – между бойней и больницей.

II

Три недели спустя, в прекрасный солнечный день, в половине двенадцатого, Жервеза и кровельщик Купо пили сливянку в «Западне» дяди Коломба. Купо, кутивший на улице папиросу, почти насильно затащил сюда Жервезу, когда она возвращалась домой, отнеся белье по адресу. Большая четырехугольная бельевая корзина стояла около нее на полу, позади маленького цинкового столика.

«Западня» дяди Коломба помещалась на углу улицы Пуассонье и бульвара Рошешуар. На вывеске, вдоль всего кабачка, было написано большими синими буквами только одно слово: «Перегонка». У двери в распиленных пополам бочонках стояли два пыльных олеандра. Вдоль стены, налево от входа, тянулась огромная стойка, уставленная рядами стаканов, бочонками и оловянными мерками. По стенам обширной залы выстроились огромные ярко-желтые лакированные бочки с медными сверкающими кранами и обручами. Наверху стены были покрыты полками, на которых в образцовом порядке стояли разноцветные бутылки с ликерами и стеклянные банки с фруктовыми сиропами. Они отражались в зеркале за стойкой блестящими зеленоватыми и нежно-золотистыми пятнами. Но главная достопримечательность заведения находилась в глубине кабачка, за дубовой перегородкой, в застекленном внутреннем дворике. Там был перегонный куб, действовавший на глазах у посетителей. Длинные, извилистые шеи его змеевиков уходили под землю. Любуясь этой дьявольской кухней, пьяные рабочие предавались сладостным

мечтам.

Сейчас, в обеденное время, «Западня» была пуста. Сам дядя Коломб, грузный сорокалетний мужчина в жилете, отпускал девочке лет десяти-двенадцати на четыре су сиропа в чашку. Сноп света, врывавшийся в дверь, освещал заплеванный пол. От стойки, от бочек, от всего помещения поднимался винный запах, – спиртные пары, казалось, отяжеляли и опьяняли все вплоть до пылинок, порхавших в солнечных лучах.

Купо скрутил новую папироску. Очень опрятно одетый, в короткой блузе и синей холщовой шапочке, он смеялся и скалил белые зубы. У него были красивые карие глаза и веселое, добродушное лицо, очень приятное, несмотря на выдвинутую нижнюю челюсть и слегка приплюснутый нос; густые курчавые волосы стояли торчком, кожа у него была нежная. Ему было всего двадцать шесть лет. Жервеза, без шляпы, в черной полушелковой кофточке, сидела напротив него. Она доедала сливу, держа ее за черенок кончиками пальцев. Парочка сидела у самого окна, за первым из четырех столиков, расставленных в ряд вдоль бочек, против стойки.

Закурив папироску, кровельщик оперся локтями о столик, наклонился и молча поглядел на молодую женщину. Хорошенькое личико блондинки светилось сегодня молочной прозрачностью тонкого фарфора. Потом, намекая на какое-то дело, известное только им двоим и уже обсуждавшееся, Купо тихо спросил:

– Так, стало быть, нет? Вы говорите – нет?

– Ну, конечно, нет, господин Купо, – спокойно улыбаясь, ответила Жервеза. – Пожалуйста, не говорите об этом. Ведь вы обещали быть благоразумным... Если бы я знала, что вы опять начнете, я бы отказалась от вашего угощения.

Он не отвечал ни слова и продолжал с дерзкой нежностью смотреть на уголки ее губ, – маленькие, чуть влажные, нежно-розовые уголки, которые, приоткрываясь, позволяли видеть ярко-алый ротик. Жервеза, однако, не отодвигалась и глядела на кровельщика спокойно и дружелюбно. После недолгого молчания она прибавила:

– Право, вы говорите, не подумав. Я уже старуха, у меня восьмилетний сын... Что мы будем делать вместе?..

– Как что? – подмигнув, прошептал Купо. – Да то же, что делают все!

Но она досадливо пожала плечами.

– Ах, неужели вы думаете, что это всегда занятно? Сразу видно, что вы еще не были женаты... Нет, господин Купо, мне надо быть серьезной. Легкомыслие ни к чему хорошему не приводит. У меня дома два голодных рта, и прокормить их, знаете, дело вовсе не шуточное. Как смогу я воспитывать детей, если буду заниматься разными глупостями?.. И потом, несчастье послужило мне хорошим уроком. Мужчины для меня больше не существуют; если я и попадусь еще раз, то не скоро.

Она говорила не сердясь, очень холодно и рассудительно, так, словно вопрос шел о работе, – скажем, о причинах, мешающих ей накрахмалить косынку. Видно было, что она немало поразмыслила над этим.

Растроганный Купо повторял:

– Вы меня огорчаете, очень огорчаете.

– Да, я вижу, – ответила она, – и мне очень жаль вас, господин Купо... Но вы не обижайтесь на меня. Господи! Если бы я только захотела повеселиться, то, конечно, я предпочла бы вас всякому другому. Вы очень хороший, вы, наверное, добрый малый. Мы бы сошлись, зажили бы вместе, а там – будь что будет! Ведь так? Я вовсе не корчу из себя недотрогу, я не говорю, что этого никогда не случится... Но только к чему это, если сейчас мне не хочется! Вот уже две недели, как я работаю у Фоконье. Старший сынишка ходит в школу. Я работаю, я довольна... Что ж? Пусть лучше так и останется.

Она наклонилась, чтобы поднять корзину.

– Я совсем заболталась с вами, меня уже ждут у хозяйки... Господин Купо, вы найдете другую, гораздо красивее меня и без детишек на шее.

Купо посмотрел на круглые часы, вделанные в зеркало, и воскликнул:

– Да погодите же! Сейчас только тридцать пять минут двенадцатого... У меня еще двадцать пять минут времени... Не бойтесь, я не наделаю глупостей – между нами стол... Неужели я вам так противен, что вы даже не хотите немножко поболтать со мной?

Чтобы не огорчать его, Жервеза снова поставила корзину на пол; они стали беседовать по-приятельски. Она позавтракала перед тем, как отнести белье, а он, чтобы успеть встретить ее заблаговременно, поторопился съесть суп и говядину. Жервеза, вежливо поддерживая разговор, поглядывала на улицу через окно, заставленное графинами с фруктовыми наливками. Улица, сдавленная домами, была необыкновенно оживлена и полна суматохи, так как уже давно наступил обеденный час. На тротуарах стояла толкотня, спешащие люди размахивали руками, протискивались, обгоняли друг друга. Запоздалые рабочие, с угрюмыми от голода лицами, огромными шагами мерили мостовую и заходили в булочную напротив. Они выходили оттуда с хлебом под мышкой и шли прямо в ресторан «Двуголовый Теленок», – рядом, через три двери. Там они съедали «дежурное блюдо» за шесть су. Около булочной находилась овощная лавка; в ней продавался жареный картофель и съедобные ракушки с петрушкой. Из лавки бесконечной вереницей выходили работницы в длинных фартуках; они выносили картошку в бумажных фунтиках или ракушки в чашках; худенькие хорошенькие простоволосые девушки покупали пучки редиски. Когда Жервеза наклонялась, ей видно было колбасную, битком набитую народом. Оттуда выходили дети, неся в засаленной бумаге кто котлеты, кто сосиски, а кто жареную колбасу. Между тем на мостовой, где из-за постоянной толчеи не просыхала грязь даже и в хорошую погоду, уже появлялись рабочие, успевшие пообедать в харчевнях. Спокойные, отяжелевшие от еды, они медленно брели посреди этой сутолоки, вытирая руки о штаны и похлопывая себя по ляжкам.

Небольшая группа собралась у дверей «Западни».

– Послушай, Шкварка-Биби, – сказал чей-то хриплый голос. – Ты платишь за выпивку?

В кабачок вошли пятеро рабочих. Они остановились у стойки.

– А, старый плутяга, папаша Коломб! – сказал тот же голос. – Налей-ка нам нашей старинной, да чтоб не наперстки были, а настоящие стаканы.

Дядя Коломб невозмутимо наполнил стаканы. Вошли еще трое рабочих. Мало-помалу кучка рабочих начала скопляться на углу. Потоптавшись немного на тротуаре, они неизменно кончали тем, что, подталкивая друг друга, входили в украшенные пыльными олеандрами двери кабачка.

– Вот глупый. Вечно у вас всякие пакости на уме, – говорила Жервеза. – Конечно, я его любила... Но после того, как он так гнусно бросил меня...

Они говорили о Лантье. Жервеза больше не видала его. Он, по-видимому, живет с Аделью, сестрой Виржини, в Гласьере, у того приятеля, что хочет открыть шапочную мастерскую. Впрочем, она вовсе не собирается гоняться за ним. Конечно, сначала было очень горько, она даже хотела утопиться, но теперь образумилась, – в конце концов все вышло к лучшему. С этим Лантье ей, пожалуй, так и не удалось бы вырастить детей, – он ужасно транжирил деньги. Если Лантье вздумает зайти поцеловать Этьена и Клода, она не вышвырнет его за дверь; но что до нее, то она скорее даст изрубить себя на куски, чем позволит ему коснуться себя хотя бы пальцем.

Жервеза говорила это со спокойной решимостью; видно было, что она твердо определила правила своей дальнейшей жизни. Но Купо, который не желал расстаться с мыслью когда-нибудь овладеть ею, шутил, отпускал непристойности, задавал ей весьма откровенные вопросы насчет Лантье, но все это выходило у него так весело, и он так добродушно сверкал белыми зубами, что Жервеза и не думала обижаться.

– Нет, вы его, наверно, били, – сказал, наконец, Купо. – О, вы вовсе не добрая! Вы всех колотите.

Жервеза расхохоталась. Да, правда, она отлупила верзилу Виржини. В тот день она была в такой ярости, что могла бы и задушить кой-кого. Она так и покатилась со смеху, когда Купо рассказал ей, что Виржини в себя не могла прийти оттого, что ее при всех заголили, – она даже перебралась в другой квартал. А поглядеть на Жервезу, – какое младенчески кроткое личико. Жервеза вытягивала полные руки и твердила, что неспособна даже муху обидеть. Она слишком хорошо знает, что такое побои: ей самой пришлось немало их вынести в жизни. Тут Жервеза стала рассказывать о своем детстве, о Плассане. Никогда не была она гулякой, хоть мужчины и гонялись за ней. Когда она сошлась с Лантье, ей было всего четырнадцать лет. Ее это забавляло, потому что Лантье изображал мужа, а она разыгрывала из себя хозяйку. Жервеза уверяла, что

главный ее недостаток – чрезмерная чувствительность. Она всех любит и привязывается к людям, которые потом делают ей массу гадостей. И когда она любит мужчину, она вовсе не о глупостях думает, а мечтает только о том, чтобы прожить вместе счастливую жизнь.

Но Купо, посмеиваясь, напомнил ей о детях, – не из подушки же она их высидела! Жервеза ударила его по пальцам и сказала, что, конечно, она сделана из того же теста, что и все женщины; но только напрасно мужчины думают, будто женщина без этого жить не может. Женщины вечно озабочены хозяйством, они до упаду работают по дому и так устают к вечеру, что, едва улягутся, засыпают как убитые. Кроме того, она очень похожа на свою мать. Вот уж была труженица, двадцать лет служила рабочей скотиной папаше Маккару, так и умерла за работой. Только она, Жервеза, хрупкая, а мать была такая широкоплечая, что, проходя в дверь, косяки выворачивала, – но это ничего не значит, все-таки она вся в мать, особенно своей привязчивостью к людям. Даже вот эту легкую хромоту она унаследовала от своей несчастной матери. Папаша Маккар зверски истязал жену. Матушка много раз рассказывала, как отец возвращался ночью вдребезги пьяный и лез к ней, и лапал ее так, что чуть не ломал ей руки и ноги. Должно быть, в одну из таких ночей она и зачала ее, и потому у нее одна нога короче другой.

– О, это ничего, это совсем незаметно, – любезно сказал Купо.

Жервеза покачала головой. Она хорошо знала, что это очень заметно; к сорока годам она согнется в три погибели. Потом она ласково, с тихим смехом добавила:

– И что у вас за причуда влюбиться в хромую?!

Тогда Купо, не снимая локтей со стола и приблизив к Жервезе лицо, начал говорить ей любезности, не стесняясь в словах и стараясь обольстить ее. Но она, не поддаваясь соблазну, отрицательно качала головой, хоть ей и приятно было слушать его вкрадчивый голос. Она слушала, глядя в сторону, и, казалось, с интересом наблюдала за все прибывавшей толпой. В опустевших лавочках подметали полы; зеленщица убирала последнюю сковородку с жареной картошкой, а колбасник собирал тарелки, разбросанные по прилавку; из харчевен кучками выходили рабочие. Здоровенные, бородатые парни толкали и шлепали друг друга, озорничали, как мальчишки, грохоча по мостовой тяжелыми подкованными башмаками. Другие, заложив руки в карманы,

глубокомысленно курили и, щурясь, поглядывали на солнце. Тротуары и мостовые кишмя кишели народом, из открытых дверей выходили толпы и медленным потоком растекались по улице, останавливаясь среди телег, – настоящая лавина блуз, курток, пальто, выгоревших и порыжелых в ярком, ослепительном солнечном свете. Вдалеке звонили фабричные колокола, но рабочие не спешили. Они раскуривали трубки, переходили от кабачка к кабачку; потом, сгорбившись, волоча ноги, отправлялись, наконец, на работу. Жервеза с интересом следила за тремя парнями, которые, пройдя несколько шагов, явно норовили повернуть обратно. Один из них был высокий, другие два низенькие. В конце концов все трое повернули назад и проследовали в «Западню» дяди Коломба.

– Ловко! – прошептала Жервеза. – Посмотрите, как им не терпится.

– А! Я знаю этого высокого, – сказал Купо. – Это Сапог, мой товарищ.

«Западня» была полна. Шла перебранка: сквозь густой и хриплый гул голосов прорывались зычные выкрики. От ударов кулаком по прилавку то и дело, дребезжа, подскакивали стаканы. Пьяницы, теснясь кучками, стояли, заложив руки за спину или скрестив их на груди, дожидаясь, пока дойдет до них очередь и дядя Коломб нацедит всем по стаканчику. Возле бочек собралась компания, которой надо было ждать еще минут пятнадцать.

– Как! Да это, кажется, наш барон Смородинка! – крикнул Сапог, хлопнув Купо по плечу. – Шикарный мужчина, – с папироской и в белой сорочке! Вот оно как! Удивить хотим приятельницу, нежностями ее угощаем!

– Ну тебя, не приставай! – недовольно ответил Купо.

Но Сапог продолжал издеваться:

– Скажите, пожалуйста! Малютка на высоте величия! Свинья как свинья. Только и всего.

И, двусмысленно подмигнув Жервезе, он повернулся к ним спиной. Жервеза испуганно отодвинулась. Табачный дым и резкий запах, исходивший от толпы, смешивался со спиртными парами. Жервеза задыхалась и покашливала.

– Какая отвратительная вещь – пьянство! – проговорила она вполголоса.

Она стала рассказывать Купо, что когда-то, в Плассане, она часто пивала с матерью анисовку, но один раз так напилась, что чуть не умерла, и с тех пор ей опротивели все спиртные напитки; она просто глядеть на них не может.

– Смотрите, – сказала Жервеза, показывая на свой стакан. – Сливу я съела, а настойку оставила. Мне бы дурно сделалось.

Купо тоже не понимал, как это можно дуть водку стаканами. Ну, перехватить иной раз немножко сливянки – это еще не страшно. Но что до абсента, водки и прочих гадостей, то слуга покорный! Он к ним и не прикасается. Товарищи могут сколько угодно поднимать его на смех, но когда эти пьяницы заворачивают в кабаки, он доходит с ними только до порога. Папаша Купо, который тоже был кровельщиком, окончил тем, что размозжил себе голову о мостовую на улице Кокнар, свалившись в нетрезвом виде с крыши дома номер двадцать пять. Все в семье это помнят, и с тех пор с этим баловством у них покончено. Когда он, Купо, проходит по улице Кокнар и видит это место, – ему хоть даром поднеси, он не выпьет; лучше воды из канавы напьется. В заключение Купо заявил:

– В нашем ремесле нужно крепко держаться на ногах.

Жервеза снова взяла корзинку. Но она не поднялась с места, а, поставив ее себе на колени, задумалась, устремив вдаль мечтательный взгляд, как будто слова молодого рабочего пробудили в ней какие-то смутные мечты. Наконец она медленно заговорила:

– Боже мой! Я ведь не честолюбива, я много не прошу... Моя мечта – спокойно работать, иметь постоянно кусок хлеба и жить в своей комнатухе, чтоб было чисто. Ну, стол, кровать, два стула, не больше... Ах! Еще хотелось бы мне воспитать как следует ребят, сделать из них настоящих людей, если только это возможно. Есть еще одна мечта: чтобы меня больше не били, если уж мне суждено выйти когда-нибудь замуж. Да, я не хочу, чтоб меня били... И это все. Понимаете? Все... – Она подумала, отыскивая, чего бы ей еще хотелось, и не находила больше никаких серьезных желаний. Потом, поколебавшись, добавила: – Можно еще, пожалуй, пожелать умереть на своей кровати... После моей бесприютной жизни мне приятно было бы умереть на своей кровати, в своей комнате.

Она встала. Купо, живейшим образом одобрявший ее желания, уже стоял на ногах. Он боялся опоздать на работу. Но они вышли не сразу. Ей хотелось пойти поглядеть на перегонный куб из красной меди, работавший за дубовой загородкой, в застекленном, светлом, маленьком дворике. Кровельщик пошел с нею и стал объяснять, каким образом это устроено. Он показывал пальцем на различные части аппарата и обратил внимание Жервезы на огромную реторту, из которой тоненькой прозрачной струйкой вытекал спирт. Перегонный куб со своими замысловатыми приемниками, с бесконечными, извивающимися змеевиками выглядел мрачно. Над ним не поднималось ни единого дымка; только где-то внутри слышалось тяжелое дыхание, какой-то подземный храп, словно некое угрюмое, немое и мощное существо совершало тут среди бела дня неведомое черное дело. Между тем подошел Сапог со своими приятелями и оперся на барьер. Они поджидали свободного местечка у стойки. Сапог смеялся, взвизгивая, как плохо смазанный блок, покачивал головой, пристально и нежно глядел на машину. Боже! До чего она хороша! В этой огромной медной утробе есть чем промочить глотку, – хватит на целую неделю! Вот если бы ему впаяли кончик змеевика прямо между зубами, он бы чувствовал, как в него течет совсем горячая, свежая водка, как она наполняет его, растекается до самых пяток, течет и льется без конца, словно ручеек. И так всегда, всегда! Э, черт побери! Тогда бы нечего было беспокоиться: такая штука отлично заменила бы ему наперстки этого стервеца, дяди Коломба! Приятели посмеивались над ним, говорили, что пьянчуга Сапог неплохо придумал. Тускло отсвечивая медью, без вспышек, без блеска перегонный куб продолжал свою глухую, мертвенную работу, – тихо струился спиртной пот. Эта медленная, упорная струя, казалось, должна была в конце концов заполнить все помещение, вылиться на внешние бульвары и затопить огромную яму – Париж. Жервеза вздрогнула и отодвинулась. Сияясь улыбнуться, она прошептала:

– Как глупо! У меня от этой машины холод побежал по спине. Водка кидает меня в дрожь... – И, возвращаясь к своим мыслям о счастье, она сказала: – Послушайте, не правда ли, ведь куда лучше работать, иметь кусок хлеба, жить в своей собственной конурке, растить детей, умереть на своей кровати...

– И не быть битой, – весело закончил Купо. – Но ведь я не буду вас бить, Жервеза. Если бы вы только захотели... Вы можете не бояться, я человек непьющий, и ведь я вас так люблю... Послушайте, а что, если нам сегодня лечь вместе?

Он понизил голос и говорил, пригнувшись к ее шее. Она расчищала себе дорогу в толпе, держа перед собой корзину, и все время отрицательно качала головой. Но все-таки она время от времени оборачивалась и улыбалась ему: ей, видимо, было приятно, что он не пьет. Конечно, она сказала бы ему да, если бы не поклялась не иметь больше дела с мужчинами! Наконец они протискались к двери и вышли. Битком набитый кабачок остался позади. Даже на улице чувствовалось его спиртное дыхание. Сквозь доносившийся до них гул осипших голосов слышно было, как Сапог ругал дядю Коломба сволочью и утверждал, что его стакан был налит только до половины. И кого обмануть хотел! Такого хорошего, веселого, такого боевого парня! Тьфу! Старая обезьяна, скаред проклятый. Он не вернется в эту дыру, она ему опостылела! И Сапог предлагал своим двум приятелям идти в кабачок «Кашляющий Карапузик» у заставы Сен-Дени. Вот там подают так подают!

– Ох! Можно вздохнуть наконец, – сказала Жервеза, выйдя на улицу. – Ну, прощайте и спасибо, господин Купо... Мне надо спешить.

Она направилась было по бульвару, но Купо схватил ее за руку.

– Пойдемте вместе по Гут-д'Ор, – говорил он, не выпуская ее руки. – Это для вас совсем небольшой крюк. Мне надо зайти к сестре, прежде чем вернуться на работу... Пройдемтесь вместе!

В конце концов Жервеза согласилась, и они медленно двинулись по улице Пуассонье. Они шли рядом, но он не решался взять ее под руку. Купо рассказывал о своей семье. Его мать была раньше жилетной мастерицей, а теперь живет в прислугах, потому что у нее стали слабеть глаза. В прошлом месяце, третьего числа, ей исполнилось шестьдесят два года. Он самый младший в семье. Одна из сестер, г-жа Лера, – цветочница, вдова. Ей тридцать шесть лет, она живет на улице Муан в Батиньоле. Другой сестре тридцать лет. Она замужем за золотых дел мастером Лорилле, очень хитрым человеком. К ней-то он и идет. Она живет на улице Гут-д'Ор, в большом доме по левой стороне. Он ежедневно ужинает у них: это выгодно всем троим. Теперь ему надо зайти к ним и предупредить, чтобы его не ждали, потому что сегодня он приглашен к приятелю. Вдруг Жервеза, улыбаясь, перебила его:

– Так вас зовут Смородинкой, господин Купо?

– Да, такое уж прозвище, – ответил он. – Мне дали его приятели, потому что, когда они затаскивают меня в кабачок, я обыкновенно спрашиваю только смородинную наливку... Все-таки лучше уж называться Смородинкой, чем Сапогом. Ведь правда?

– Конечно. Смородинка – это вовсе не плохо, – решила молодая женщина.

Она стала расспрашивать его о работе. Он все еще работал за городской стеной, в новой больнице. О! Работы там довольно; пожалуй, хватит на год. Крыша огромная!

– Вы знаете, – добавил он, – когда я работаю наверху, мне видно «Гостеприимство»... Вчера вы стояли у окна. Я махал руками, но вы меня не заметили.

Они уже прошли несколько сот шагов по улице Гут-д'Ор, когда он остановился, взглянул вверх и сказал:

– Вот здесь они и живут... Я-то сам родился немножко дальше, в номере двадцать втором... Посмотрите-ка на эту махину: немало кирпича ушло на нее... Внутри она еще больше. Настоящая казарма.

Жервеза, подняв голову, разглядывала фасад. Это был шестиэтажный дом. Он глядел на улицу длинными рядами стекол. В каждом ряду было по пятнадцати окон. Черные жалюзи с продавленными решетками придавали огромной стене вид развалины. Первый этаж занимали четыре лавки: направо от ворот помещалась грязная харчевня, налево – угольщик, галантерейная лавочка и мастерская зонтиков. Дом казался еще больше оттого, что с обоих боков к нему примыкали маленькие, хилые постройки. Эта четырехугольная громада, похожая на безобразную глыбу извести, осыпающаяся и гниющая под дождем, выступая на ясном небе, поднимала над соседними крышами громадный уродливый корпус, напоминающий своими облезлыми боками грязную наготу тюремных стен. Выщербленные кирпичи на стыках стен казались дряблыми челюстями, зиявшими в пустоте. Жервеза разглядывала ворота, – громадный полукруг, поднимающийся до третьего этажа и образующий глубокую нишу, по ту сторону которой сквозил тусклый свет внутреннего двора. Проход в этой нише был вымощен, как улица, из него вытекал ручей нежно-розового цвета.

– Входите же, – сказал Купо. – Вас там не съедят.

Жервеза решила подождать его на улице. Однако, постояв немного, она поддалась искушению и вошла в ворота. Остановившись у порога дворницкой, помещавшейся справа, она снова подняла глаза. Со двора дом подымался на семь этажей. Четыре прямоугольные стены замыкали громадный квадрат двора, серые стены, совершенно плоские, без всяких украшений, изъеденные желтыми язвами и покрытые бурыми полосами от стекавшей с карнизов воды, вздымались от земли до крыши. Только водосточные трубы пересекали этажи да ящики для провизии выделялись под окнами ржавыми чугунными пятнами. Окна без ставней поблескивали голыми, серовато-зелеными, мутными стеклами. Некоторые из них были открыты, и в них проветривались голубые клетчатые тюфяки или сушилось на протянутых веревках белье: мужские сорочки, женские кофточки, детские штанишки и прочее домашнее тряпье. В одном из окон четвертого этажа висел загаженный детский матрасик. Внутренности тесных жилищ вылезали наружу, их жалкая нищета выпирала из всех щелей. Внизу каждого фасада высокая узкая дверь без всякой отделки, врезанная в голую штукатурку, открывалась в облезлый вестибюль, в глубине которого виднелась грязная витая лестница с железными перилами. Все четыре лестницы были обозначены литерами А, В, С, D, написанными прямо на стене. Весь первый этаж занимали большие мастерские с широкими, черными от пыли окнами. Здесь виднелся пылающий горн слесаря, а немного дальше слышался визг рубанка из столярной. Около самых ворот помещалась красильня: из нее-то и вытекал пенящийся нежно-розовый ручеек. На дворе там и сям поблескивали цветные лужи, повсюду валялись стружки, чернели груды каменноугольного шлака. Кое-где по краям между камнями пробивалась трава, и весь двор в ярком дневном свете был словно разделен пополам резкой чертой, отделявшей теневую половину от солнечной. На теневой стороне около водопроводной колонки с постоянно сочащейся из крана водой копались в грязи три курицы и быстро клевали землю, отыскивая червяков. Жервеза медленно оглядывала дом, спускаясь взглядом с седьмого этажа до первого и снова поднимаясь вверх; пораженная этой громадой, чувствуя себя словно внутри живого организма, в самом сердце города, она разглядывала дом, как если бы это был живой великан.

– Кого вам угодно? – крикнула привратница, с любопытством выглядывая из дверей своей каморки.

Жервеза объяснила ей, что ждет знакомого, и вышла на улицу. Но так как Купо все не появлялся, она снова вернулась во двор: ее тянуло поглядеть еще немного, – дом вовсе не казался ей безобразным. Среди увешанных тряпьем окон попадались и приятные взгляду веселые уголки – цветущий левкой в горшке, клетка с чирикающим чижигом или маленькие зеркальца для бритья, поблескивавшие словно звезды в глубокой тени. Внизу под мерный свист рубанка пел столяр; из слесарни доносился густой серебристый звон ритмично ударявших молотков. Почти во всех открытых окнах среди выглядывающего наружу нищенского скарба виднелись грязные смеющиеся детские личики или профили спокойно склонившихся над шитьем женщин. Это было время горячей послеобеденной работы. Комнаты мужчин были пусты. Тишину нарушал только разнообразный шум мастерских, убаюкивающее гудение, безостановочно, часами звучащее в ушах. Но двор все-таки был немного сыроват. Если бы Жервезе пришлось жить здесь, она выбрала бы квартиру в глубине, на солнечной стороне. Она прошла пять-шесть шагов по двору, вдыхая затхлый воздух мещанских жилищ, запах залежавшейся пыли, плесени и грязи. Но так как над всем этим господствовал резкий запах красильни, Жервезе показалось, что здесь пахнет совсем не так плохо, как в «Гостеприимстве». Она даже выбрала себе в левом углу дома окно, на котором стоял ящичек с душистым горошком. Его нежные стебельки вились вокруг натянутых веревочек.

– Я заставил вас ждать, – внезапно раздался совсем рядом с ней голос Купо. – Когда я не ужинаю с ними, это целое событие. А сегодня вдобавок сестра купила телятины.

Жервеза вздрогнула от неожиданности, а Купо продолжал, окидывая взглядом дом:

– Вы, я вижу, разглядываете дом? Он всегда полон сверху донизу. Я думаю, здесь живет по меньшей мере триста семей... Будь у меня мебель, я бы тоже снял себе комнатку... Здесь можно недурно устроиться, правда?

– Да, здесь хорошо, – сказала Жервеза. – В Плассане, на нашей улице, было далеко не таклюдно. Посмотрите, вон славное окошко на шестом этаже – то, на котором горошек.

Тогда Купо снова упрямо спросил, не согласится ли она жить с ним. Им надо только обзавестись кроватью, и они поселятся здесь. Но она быстро отошла от него и направилась к воротам, уговаривая его не дурить. Скорее дом обрушится,

чем она ляжет с ним под одно одеяло. Но все-таки, прощаясь с Жервезой у прачечной Фоконье, Купо задержал на несколько секунд ее руку, протянутую вполне дружески.

Прошел месяц. Добрые отношения между кровельщиком и молодой женщиной не прекращались. Он считал ее молодцом: целый день она работала, ухаживала за детьми, а по вечерам еще находила время перешивать и штопать всякое тряпье. Купо говорил Жервезе, что бывают, конечно, легкомысленные, бесовестные женщины, но она, честное слово, совсем на них не похожа! Она относится к жизни серьезно. Тогда Жервеза, посмеиваясь, скромно возражала, что, к несчастью, она далеко не всегда была так умна. И она вспоминала свои юные годы, когда ей было всего четырнадцать лет, – как они, бывало, с матерью напивались анисовой. Ее немного исправил жизненный опыт – вот и все. Напрасно думают, что у нее сильная воля, наоборот, она очень слабохарактерная. Из боязни огорчить кого-нибудь, она идет туда, куда ее толкают. Ее мечта жить среди честных людей, говорила она. Потому что дурная компания – это все равно как капкан: прихлопнет, раздавит, любую женщину может превратить в ничто. Ее в пот бросает при мысли о будущем, она чувствует себя как монета, подброшенная в воздух: орел или решка выйдет – это дело случая. Она всего насмотрелась, она видела ужасные вещи в детстве, она получила жестокий урок.

Купо посмеивался над ее мрачными мыслями и пытался даже ущипнуть, что мгновенно возвращало ей всю энергию; она отталкивала его, шлепала по рукам, а он, смеясь, кричал, что для слабой женщины она слишком хорошо обороняется. Купо, весельчак по натуре, не любил задумываться над будущим. День прошел – и ладно! Кусок хлеба и кров всегда у него будут. Квартал здесь вполне приличный, если не считать всех этих пьяниц, которых следовало бы вышвырнуть отсюда. Купо был не злой малый и рассуждал иногда очень здраво. Он следил за своей внешностью и тщательно расчесывал волосы на пробор. Для воскресных дней у него были и красивые галстуки, и лаковые ботинки. Нахальный, ловкий, как обезьяна, это был настоящий парижский мастеровой, веселый зубоскал с приятным подвижным лицом, еще сохранившим юношескую свежесть.

Мало-помалу у них вошло в привычку оказывать друг другу разные мелкие услуги. Купо ходил для Жервезы за молоком, исполнял ее поручения, относил для нее белье и часто вечером водил детей гулять на бульвар, так как возвращался с работы первым. Жервеза, чтобы не остаться в долгу,

поднималась в его узкую комнатку под самой крышей, разбирала его одежду, пришивала пуговицы к штанам, чинила полотняные рубахи. Между ними установились совсем приятельские отношения. Жервеза не скучала с ним, ее забавляли его песенки, его постоянная, еще непривычная для нее, шутливая болтовня жителя парижских предместий. Но чем больше Купо вертелся около Жервезы, тем больше воспламенялся. Он влюбился, по уши влюбился! Он задыхался от страсти. Он пытался зубоскалить, но чувствовал себя при этом так отвратительно, что положение вовсе не казалось ему забавным. Он по-прежнему дурил, и стоило ему только встретиться с Жервезой, как он тотчас же кричал ей: «Когда же?» Она понимала, что он хочет этим сказать, и отвечала: «После дождика в четверг». Тогда Купо, чтобы подразнить ее, являлся в ее комнату с туфлями в руках, как бы собираясь перебраться к ней. Она шутила и очень весело проводила время, не краснея под постоянным градом непристойностей, к которым он успел приучить ее. Она спускала ему все, лишь бы он не был слишком груб. Рассердилась она на него только раз, когда он, желая насильно поцеловать ее, больно схватил ее за волосы.

К концу июня Купо утратил всю свою веселость. У него был болезненно упрямый вид. Жервеза, испуганная его взглядами, загораживала на ночь дверь. Однажды он дулся на нее с воскресенья до вторника, а во вторник, в одиннадцать часов вечера, постучался к ней. Жервеза не хотела впускать его, но он просил ее таким дрожащим, таким нежным голосом, что в конце концов она отодвинула загораживавший дверь комод. Когда Купо вошел, Жервеза подумала, что он болен: лицо его было бледно, глаза покраснели. Он стоял перед ней и бормотал что-то, покачивая головой. Нет, нет, он не болен. Он плакал целых два часа там, наверху, у себя в комнатке. Он плакал, как ребенок, уткнувшись в подушку, чтобы его не слышали соседи. Вот уж три ночи, как он не смыкает глаз. Так дальше продолжаться не может.

– Послушайте, Жервеза, с этим надо покончить, – сказал он сдавленным голосом, и слезы снова подступили у него к горлу. – Мы поженимся. Я так решил, я этого хочу.

Жервеза была изумлена. Она стала очень серьезной.

– Ах, господин Купо, – прошептала она, – что это вам пришло в голову! Я никогда не добивалась этого, вы отлично знаете... Неподходящее это для меня дело – вот и все! Нет, нет, теперь я говорю очень серьезно. Подумайте хорошенько. Прошу вас.

Но он продолжал качать головой с видом непреклонной решимости. Все уже обдумано. Он спустился потому, что хочет, наконец, заснуть спокойно. Пусть она не заставляет его снова плакать у себя наверху. Как только она скажет да, он перестанет ее мучить, и она сможет идти спать. Он хочет только одного: чтобы она сказала ему да. Они переговорают подробно завтра.

– Я, конечно, не скажу вам так вот просто да, – ответила Жервеза. – Я не хочу, чтобы вы потом обвиняли меня, будто я толкнула вас на глупость... Напрасно вы так настаиваете, господин Купо. Вы сами не знаете, какие у вас чувства ко мне. Я уверена, что если бы мы неделю не встречались, все бы это прошло. Мужчины часто женятся ради одной только ночи, а потом идут другие ночи и дни, и так тянется вся жизнь, и люди делаются ненавистны друг другу... Сядьте, я хочу с вами поговорить.

Разговаривая о женитьбе, они просидели до часа ночи в темной комнате при тусклом свете копящей свечи, с которой они забывали снимать нагар. Они говорили вполголоса, чтобы не разбудить детишек, Клода и Этьена, которые спали на одной подушке, тихонько посапывая во сне. Жервеза каждую минуту возвращалась к ним и показывала на них Купо. Недурное она принесет ему приданое! В самом деле, как она может заставить его кормить двух малышей? И потом – какой стыд. Что будут говорить соседи? Все видели ее с сожителем, все знают ее прошлое; не очень-то будет удобно, если они поженятся через какие-нибудь два месяца после этой истории. Но Купо на все эти доводы только пожимал плечами. Наплевать ему на соседей! Он не сует носа в чужие дела, он не охотник пачкаться! Ну, хорошо, она жила с Лантье. Так что за беда? Она ведь не зарабатывала этим и не старается водить мужчин на дом, как это делают многие женщины, и притом побогаче ее. Что же до детей, ну будут расти, надо воспитать их, черт возьми! Никогда ему не найти такой мужественной, доброй, прекрасной женщины. Да, наконец, дело даже не в этом. Даже если бы он подобрал ее на улице и она была бы уродина, скверная, ленивая и с целой кучей чумазных ребятишек – и это бы его не остановило: он ее хочет.

– Да, я вас хочу, – повторял он, беспрерывно ударяя себя кулаком по колену. – Слышите? Хочу... Думаю, на это ничего нельзя возразить.

Мало-помалу Жервеза слабела. Какая-то робость охватила ее перед этим грубым желанием и стремлением к ней. Она возражала как-то несмело, руки ее бессильно упали на колени, лицо было полно нежности. В полуоткрытое окно

дышала ясная июньская ночь; порывы теплого ветра колебали пламя свечи, которое вздрагивало, накрываясь на оплывшем, красноватом, коптящем фитиле. В глубокой тишине заснувшего квартала был слышен только плач ребенка: отец его, мертвецки пьяный, спал, растянувшись посреди бульвара. Где-то далеко, в ресторане, скрипка играла залихватскую кадрили: ее четкие, прозрачные, разрозненные звуки доносились, как переборы гармоники. Видя, что молодая женщина больше не возражает и молча, смущенно улыбается, Купо взял ее за руки и притянул к себе. Жервезу охватило то безвольное состояние, которого она так боялась. В такие минуты она бывала слишком взволнована и растрогана, чтобы противиться, чтобы огорчать кого бы то ни было. Но кровельщик не понял, что Жервеза отдается ему: он лишь стиснул ее руки изо всех сил, чтобы показать ей, что она в его власти, и они оба вздохнули от избытка чувств, несколько облегченные этим легким ощущением боли.

– Вы согласны, правда? – спросил Купо.

– Как вы мучаете меня! – прошептала Жервеза. – Вы хотите этого? Пусть будет по-вашему... Боже мой, может быть, мы делаем страшную глупость...

Купо поднялся, обнял Жервезу за талию и чмокнул в лицо. Потом он первый же спохватился, так как поцелуй вышел очень громким, поглядел на Клода и Этьена и на цыпочках направился к двери, тихо говоря:

– Тс-с! Будем благоразумны. Не надо будить малышей... До завтра...

И он ушел к себе наверх. Жервеза чуть ли не целый час сидела на кровати, не раздеваясь и дрожа всем телом. Она была растрогана и находила Купо очень благородным, потому что одно мгновение она уже была уверена, что все кончено, что он не уйдет и будет спать с нею. Пьяница внизу, под окном, ревел жалобно и хрипло, как заблудившаяся скотина. Залихватская скрипка вдали смолкла.

В следующие дни Купо уговаривал Жервезу зайти вечером к его сестре на улицу Гут-д'Ор. Но молодая женщина, робкая по природе, очень боялась этого посещения Лорилле. Она заметила, что кровельщик и сам в глубине души побаивался родственников. Конечно, он не зависел от г-жи Лорилле; она даже не была старшей в семье. А матушка Купо несомненно согласится на женитьбу сына: ведь она никогда не перечила ему. Но вся семья знала, что Лорилле

зарабатывают около десяти франков в день, и это придавало им несокрушимый авторитет. Купо не осмеливался жениться, пока они не примут его будущей жены.

– Я говорил им о вас, они знают о нашем решении, – объяснял он Жервезе. – Боже мой! Какое вы еще дитя! Пойдем сегодня же вечером... Я вас предупреждал, ведь так, а? Может быть, моя сестра покажется вам немного грубоватой. Да и Лорилле тоже не всегда любезен. Конечно, они очень недовольны, потому что если я женюсь, то перестану ужинать у них и они не смогут на мне экономить. Но это ничего не значит, они вас не выгонят... Сделайте это для меня, это совершенно необходимо.

Слова Купо еще больше напугали Жервезу. Но в конце концов она все-таки уступила. Они решили пойти в субботу вечером. Купо зашел за ней в половине девятого. Она была уже одета: на ней было черное платье, муслиновая набивная шаль с желтым узором и белый чепчик, отделанный кружевом. За шесть недель работы она скопила семь франков на шаль и два с половиной на чепчик. Платье было переделано из старого, вывернутого и вычищенного.

– Они вас ждут, – говорил Купо, идя с Жервезой по улице Пуассонье. – О! Они уже начинают привыкать к мысли, что я женюсь. Сегодня они как будто очень любезны... И потом, если вы никогда не видели, как делают золотые цепочки, вам будет развлечение поглядеть. У них как раз спешный заказ к понедельнику.

– У них есть золото? – спросила Жервеза.

– Еще бы! И на стенах, и на полу, и повсюду.

Тем временем они вошли в круглые ворота и пересекли двор. Лорилле жили на седьмом этаже, в подъезде В. Купо, смеясь, крикнул Жервезе, чтобы она покрепче держалась за перила и не выпускала их. Она подняла голову и, щурясь, взглянула вверх, в бездонную, узкую клетку лестницы, освещенную тремя газовыми рожками, – по одному на каждые два этажа. Последний рожок на самом верху мерцал, как звездочка в черном небе, а два других бросали вдоль бесконечной спирали ступеней длинные, разорванные полосы света.

– Ага, – сказал кровельщик, взобравшись на площадку второго этажа. – Здорово пахнет луковым супом. Здесь, наверно, ели луковый суп.

В самом деле, лестница В, серая, грязная, с сальными перилами, с облупившимися стенами, насквозь пропахла крепким кухонным запахом. От каждой площадки отходили узкие, гулкие коридоры; в них вели желтые двери, захватанные дочерна грязными руками. Из свинцовых помойных ящиков под окнами несло вонючей сыростью; эта вонь смешивалась с едким запахом жареного лука. Снизу доверху, от первого до седьмого этажа, раздавался стук посуды, дребезжание кастрюль, скрежет сковородок, с которых соскребали ложками приставшие кусочки пищи. На втором этаже, сквозь приоткрытую дверь, на которой было написано крупными буквами «Живописец», Жервеза увидела двух мужчин с трубками, окутанных клубами табачного дыма. Они сидели за столом, перед куском провощенного холста, и кричали, бешено жестикулируя. Третий и четвертый этажи были спокойнее; сквозь дверные щели доносился только мерный скрип колыбели, заглушенный плач ребенка и, словно глухой шум воды, низкий женский голос, торопливо что-то бормотавший, – слов нельзя было разобрать. Кое-где к дверям были прибиты дощечки: на одной Жервеза прочла «Обойщица г-жа Годрон» и еще – «Картонажная мастерская г-на Мадинье». На пятом этаже происходила драка: от страшного топота дрожал пол, слышался грохот падающих стульев, брань, крики, удары; это не мешало соседям играть в карты, открыв дверь для притока свежего воздуха. Добравшись до шестого этажа, Жервеза совсем запыхалась: она не привыкла к таким подъемам. У нее кружилась голова от этой все время мелькавшей перед глазами стены, от бесконечно сменяющихся приоткрытых дверей. На площадке расположилось какое-то семейство: отец мыл тарелки на маленькой глиняной печурке около помойного ведра, а мать, прислонившись к перилам, подмывала ребенка, собираясь уложить его спать. Купо подбодрял Жервезу. Теперь уже немного осталось. И когда они, наконец, добрались до седьмого этажа, он ласково улыбнулся, чтобы придать ей мужества; Жервеза, подняв голову, старалась угадать, откуда раздается тонкий, пронзительный голос, который она сквозь весь этот шум слышала с самой первой ступеньки. Это пела под самой крышей, на чердаке, маленькая старушка, швея, одевавшая дешевых кукол. Потом Жервеза увидела, как в дверь напротив вошла высокая девушка с ведром. На одно мгновение показалась комната, смятая постель, и на постели полуодетый мужчина; он валялся, уставив глаза в потолок, и как будто чего-то ждал. Когда дверь захлопнулась, Жервеза увидела приклеенную к ней карточку, на которой было написано от руки: «Мадемуазель Клеманс, гладильщица». Стоя на верхней площадке, запыхавшаяся, с подкашивающимися ногами, Жервеза перегнулась через перила, чтобы поглядеть вниз. Теперь уже нижний газовый рожок мерцал, как звездочка, в глубине узкого семиэтажного колодца. И все запахи дома, вся эта громадная рокошущая жизнь жарко дохнула на нее снизу, ударив прямо в ее испуганное лицо, – ей показалось, что она стоит на краю

пропасти.

– Мы еще не пришли, – сказал Купо. – Это целое путешествие.

Он свернул налево, в длинный коридор. Потом повернул еще два раза: первый раз опять налево, второй – направо. Узкий темный коридор с облупившейся штукатуркой, кое-где освещенный тусклыми газовыми рожками, уходил вдаль и иногда раздваивался. Совсем одинаковые двери следовали одна за другой, как в тюрьме или монастыре; почти все они были широко распахнуты, и все комнаты с их нищенской рабочей обстановкой были пронизаны рыжевато-золотистым светом теплого июльского вечера. Наконец они подошли к совершенно темному проходу.

– Ну, вот мы и пришли, – сказал кровельщик. – Осторожно! Держитесь за стену. Здесь три ступеньки.

Жервеза очень осторожно сделала в темноте с десяток шагов; она споткнулась и отсчитала три ступеньки. В конце прохода Купо, не стучась, толкнул дверь. На пол упала яркая полоса света. Они вошли.

Это была узкая, вытянутая в длину комната, казавшаяся продолжением коридора. Полинявшая шерстяная занавеска, вздернутая сейчас на шнурке, делила ее на две части. В передней половине стояла кровать, задвинутая в угол, под скошенный чердачный потолок, чугунная печка, еще теплая от стряпни, два стула, стол и шкаф, у которого был отпилен выступ внизу, чтобы можно было втиснуть этот шкаф между кроватью и дверью. Во второй половине помещалась мастерская. В глубине стоял узкий горн с поддувалом; направо были вделаны в стену тиски; над ними, на полке, валялись старые железные инструменты; налево, возле окна, стоял маленький верстачок, заваленный щипчиками, резцами и микроскопическими пилками. Все это так и лоснилось от грязи.

– Это мы! – крикнул Купо, подходя к занавеске.

Но ему ответили не сразу. Жервеза, взволнованная и потрясенная мыслью, что входит в комнату, полную золота, держалась позади кровельщика и, робко лепеча, кивала головой, приветствуя хозяев. Яркий свет от лампы, стоявшей на верстаке, и от раскаленных углей, пылавших в горне, еще больше усиливал ее смущение. Наконец она разглядела г-жу Лорилле, рыжую и довольно толстую

женщину небольшого роста. Напрягая короткие руки, она большими клещами из всех сил протаскивала черную металлическую нить сквозь волок – стальную дощечку с отверстиями, прикрепленную к тискам. Сам Лорилле, такой же маленький, но худощавый и проворный, как обезьяна, работал у станка щипчиками, орудуя над чем-то до такой степени крошечным, что предмет этот совершенно исчезал в его узловатых пальцах. Муж первый поднял голову. У него были редкие волосы и длинное болезненное лицо, изжелта-бледное, как старый воск.

– А! Это вы. Хорошо, хорошо! – пробормотал он. – Мы, как видите, торопимся... Не входите в мастерскую, вы нам мешаете. Оставайтесь в комнате.

И он снова взялся за свою мелкую работу. Зеленоватый отблеск от круглого графина с водой падал на его лицо, а свет от лампы, преломляясь в графине, прыгал зайчиками по его работе.

– Возьмите стулья, садитесь, – крикнула, в свою очередь, госпожа Лорилле. – Это та самая женщина? Хорошо, хорошо.

Она свернула проволоку, положила ее на горн и стала прокаливать, чтобы затем проташить сквозь последние отверстия волок. Угли она раздувала широким деревянным поддувалом.

Купо придвинул стул и усадил Жервезу возле занавески. Комната была так узка, что он не мог поместиться рядом. Он сел сзади и, наклонившись к самой шее Жервезы, стал объяснять ей, в чем заключается работа Лорилле. Молодая женщина, смущенная странным приемом, чувствовала себя неловко под косыми взглядами хозяев, у нее шумело в ушах, она плохо слышала, что говорил ей Купо. Она находила, что г-жа Лорилле выглядит много старше своих лет; она казалась ей неопрятной; ее жидкие волосы, заплетенные в тонкую косицу, спускались на расстегнутую кофточку. Муж, только годом старше жены, показался ей совсем стариком; у него были злые тонкие губы. Он был в рубашке – без пиджака – и в стоптанных туфлях на босу ногу. Но больше всего изумляло Жервезу убожество самой мастерской, грязной, с запачканными стенами, заваленной ржавым железным ломом. Это было похоже на лавочку торговца старым железом. Было невыносимо жарко. На зеленоватом лице г-на Лорилле проступили капли пота. Г-жа Лорилле сняла кофточку и работала с голыми руками, в одной рубашке, прилипшей к ее отвислым грудям.

– А золото? – вполголоса спросила Жервеза.

Она беспокойно всматривалась во все углы, стараясь разглядеть среди этой грязи тот сияющий блеск, который она ожидала увидеть тут.

Купо рассмеялся.

– Золото?! – сказал он. – Смотрите, вот оно, а вот и еще, и вот опять – под вашими ногами.

Он последовательно указал ей сначала на нить, которую вытягивала его сестра, затем на пучок, висевший на стене и похожий на моток железной проволоки; потом он стал на четвереньки и принялся шарить рукой под деревянной решеткой, которая сплошь покрывала пол мастерской; оттуда он вытащил какой-то обломочек, вроде кончика заржавленной иголки. Жервеза вскрикнула. Не может быть, чтобы этот черный некрасивый металл был золотом! Купо прикусил кончик и показал ей блестящий след зубов. Потом он пустился в объяснения: хозяева изготавливают золотой сплав в виде проволоки, и ее приходится протягивать сквозь волок, чтобы получить надлежащую толщину; при этом, чтобы золото не рвалось, его надо прокалывать пять или шесть раз. О, тут нужна большая опытность и ловкие руки! Сестра не пускает мужа к волоку, потому что он кашляет. Сама она работает изумительно ловко. Он видел, как она вытягивает проволоку в волосок толщиной.

Лорилле скрючился на табуретке в припадке кашля. Потом, продолжая кашлять, задыхаясь, он сказал, не глядя на Жервезу, а так, будто устанавливал этот факт исключительно для самого себя:

– Я делаю колонку.

Купо заставил Жервезу встать. Она может подойти и поглядеть. Цепочный мастер выразил свое согласие каким-то ворчанием. Он наворачивал золотую проволочку, приготовленную его женой, на колодку – тоненький стальной стерженек. Затем легким движением пилы перерезал проволочку вдоль всей колодки: каждый оборот проволочки образовал колечко. Тогда он начал паять. Колечки лежали на большом куске древесного угля, Лорилле смачивал их раствором буры, налитым на донышко стоявшего рядом разбитого стакана, и быстро накаливал на горизонтальном пламени паяльной горелки. Приготовив

сотню колечек, он снова принимался за свою мелкую работу, опершись о подставку – деревянную дощечку, отполированную постоянным трением его руки. Он брал колечко, сгибал его щипчиками, зажимал с одного конца, вводил в предыдущее, уже укрепленное колечко и снова раздвигал клинышком. Все это делалось так равномерно и беспрерывно, колечко следовало за колечком с такой быстротой, что цепь вырастала на глазах у Жервезы, а она не могла ни уследить за работой, ни понять, как все это выходит.

– Это колонка, – сказал Купо. – Бывает еще канитель, струна, витая веревочка, но это колонка. Лорилле делает только колонку.

Лорилле захихикал от удовольствия. Продолжая нанизывать колечки, исчезающие между его грязными ногтями, он сказал:

– Послушай-ка, Смородинка!.. Я высчитал сегодня утром. Я работаю с двадцати лет. Верно? Ну, хорошо, так знаешь ли ты, какой длины колонку я сделал по сегодняшний день? – Он поднял свое бледное лицо и прищурил красные веки. – Восемь тысяч метров! Понимаешь? Два лье! Колонная цепочка в два лье! Можно обмотать шеи всем женщинам нашего квартала... И, понимаешь, колонка ведь все удлиняется. Я думаю, что в конце концов доведу ее от Парижа до Версаля.

Жервеза снова села. Она была разочарована: все здесь было так безобразно. Она улыбалась, чтобы доставить удовольствие супругам Лорилле. Больше всего ее смущало, что о самом важном для нее деле, о свадьбе, они не говорили ни слова. Не будь этого дела, она, конечно, не пришла бы к ним. А Лорилле продолжали обращаться с ней так, будто Купо привел к ним надоедливую, любопытную посетительницу. Наконец завязался кое-как разговор, но он все время вертелся только вокруг жильцов дома. Г-жа Лорилле спросила брата, не слышал ли он, поднимаясь по лестнице, как дрались на пятом этаже. У этих Бенаров что ни день – драка. Муж возвращается домой мертвецки пьяным; жена, впрочем, тоже хороша – постоянно орет и отвратительно ругается. Потом заговорили о живописце со второго этажа, об этом верзиле Боделяне: кривляка, по уши в долгах, всегда дымит трубкой и галдит со своими приятелями. Картонажное заведение г-на Мадинье влачит жалкое существование: вчера он рассчитал еще двух работниц. Если он разорится, семья пойдет по миру; он проедает все, что ни зарабатывает, а ребяташки у него бегают голые... Любопытно, как это г-жа Годрон ухитряется обивать свои тюфяки. Она опять беременна; в конце концов это просто неприлично в ее годы. Хозяин уже приходил выселять Коке, жильцов с шестого этажа: задолжали за три квартала. Кроме того они постоянно выносят

свою печурку на лестницу. В прошлую субботу чуть не сгорел маленький Лангерло. Хорошо еще, что вовремя подоспела мадемуазель Реманжу, старушка с седьмого этажа: она как раз спускалась вниз, чтобы отнести в магазин своих кукол. Что до гладильщицы мадемуазель Клеманс, то надо сказать правду, у нее золотое сердце: она обожает животных. Но ведет она себя не слишком-то строго. Подумать только! Такая красивая девушка, а путается со всеми мужчинами! Скоро она будет по улицам трепаться. Уж будьте уверены.

– Ну вот и еще одна, – сказал Лорилле, передавая жене цепочку, над которой работал с самого завтрака. – Можешь ее выправить.

И он повторил с настойчивостью человека, которому нелегко даются шутки:

– Еще полтора метра... Приближаюсь к Версалью.

Г-жа Лорилле накалила цепочку и стала выправлять ее, протягивая сквозь отверстие волока. Потом она положила ее в маленькую медную кастрюльку с длинной ручкой и подержала над раскаленными углями горна. Купо заставил Жервезу полюбоваться и этой, теперь уже последней, операцией. Выварившись, золото приняло темно-красный оттенок. Цепочка была готова, ее можно было сдавать.

– Продают их светлыми, блестящими, – пояснил кровельщик. – Полировщики оттирают их суконками.

Но Жервеза чувствовала, что мужество ее подходит к концу. Она задыхалась: жара все усиливалась. Дверь все время была заперта, так как Лорилле простуживались от малейшего сквозняка. Хозяева ничего не говорили о свадьбе, и Жервеза решила уйти. Она тихонько потянула Купо за куртку. Купо понял. Он тоже был смущен и раздосадован этим нарочитым молчанием.

– Ну, мы уходим, – сказал он. – Мы не хотим вам мешать.

Он потоптался на месте, выжидая, надеясь, что они хоть что-нибудь скажут, хоть намекнут на событие. Наконец он решился начать сам:

– Послушайте, Лорилле, мы рассчитываем на вас. Вы будете свидетелями моей жены.

Лорилле поднял голову и захихикал, делая вид, что крайне изумлен. Его жена оставила волок и вышла на середину мастерской.

– Так это всерьез? – пробормотал Лорилле. – Черт его знает, этого чудака Смородинку! Никогда не разберешь, когда он шутит!

– А! Так это та самая особа, – сказала в свою очередь г-жа Лорилле, разглядывая Жервезу. – Господи! Нам, конечно, ни к чему давать вам советы... Но все-таки, как это вам пришло в голову жениться? Но, конечно, если это нравится вам обоим... Только ведь когда это выходит неудачно, потом себя поедом едят. А оно частенько выходит неудачно. Очень, очень часто.

Последние слова г-жа Лорилле произнесла медленно, покачивая головой и рассматривая Жервезу. Она осмотрела ее всю, разглядывала ее руки и ноги, как будто хотела раздеть молодую женщину, чтобы не пропустить ни одного пятнышка на теле. Она была вынуждена сознаться себе, что Жервеза лучше, чем она ожидала.

– Мой брат совершенно свободен, – заговорила она еще язвительнее. – Конечно, семья могла надеяться... Ведь родные всегда строят разные предположения. Но раз уж оно так странно обернулось... Я во всяком случае не желаю спорить. Он мог бы привести к нам последнюю из последних, и все-таки я сказала бы: «Женись, пожалуйста, и оставь меня в покое...» А ведь у нас ему было неплохо. Взгляните, какой он толстый, сразу видно, что не голодал. Его всегда ждал горячий обед, – минута в минуту... Скажи-ка, Лорилле, ты не находишь, что наша гостья похожа на Терезу? Знаешь? На ту женщину напротив, что умерла от чахотки.

– Да, пожалуй, – отвечал цепочный мастер.

– И у вас двое детей, сударыня? Между прочим, я уже говорила об этом брату. Я говорила ему: не понимаю, как ты женишься на женщине, у которой двое детей... Вы не сердитесь, что я принимаю в нем участие, это вполне естественно... И к тому же у вас не совсем здоровый вид... Правда, Лорилле?

– Да, да, она не крепка на вид.

Они не говорили о ее ноге. Но Жервеза поняла по их беглым усмешкам и косым взглядам, что они намекали именно на ее ногу. Она стояла перед ними, кутаясь в свою тонкую шаль с желтым узором, и отвечала им односложно, как судьям. Видя, что ей тяжело, Купо, наконец, закричал:

– Все это ни к чему... Что бы вы ни говорили, все это ерунда. Свадьба будет в субботу, двадцать девятого июля! Я рассчитал по календарю. Так, значит, условились? Подходит вам этот день?

– Ах, нам все подходит, – отвечала его сестра. – Незачем тебе было и советоваться с нами... Я не мешаю Лорилле быть свидетелем. Я хочу только, чтобы меня оставили в покое.

Жервеза стояла, опустив голову, и не знала, куда деваться. В замешательстве она просунула кончик ботинка в квадратное отверстие деревянной решетки, постланной на полу мастерской. Вытащив ногу и испугавшись, что она сломала что-нибудь, Жервеза наклонилась и стала ощупывать решетку рукой. Лорилле мгновенно схватил лампу, подошел к ней и стал подозрительно осматривать ее руки.

– Надо быть осторожнее, – сказал он. – Золотые опилки пристают к подошвам, и их можно незаметно унести.

Вот неприятная история. Хозяева не допускают пропажи ни одного миллиграмма. Он показал заячью лапку, которой собирал пылинки золота, оставшиеся на станке, и кожу, пришитую у него на коленях, на которой оставались падающие крупинки. Два раза в неделю мастерская подметается самым тщательным образом, весь сор сохраняется, потом его сжигают и исследуют золу. В этой золе оказывается золота франков на двадцать пять – тридцать в месяц.

Г-жа Лорилле не спускала глаз с ботинок Жервезы.

– Не сердитесь, пожалуйста, – пробормотала она с любезной улыбкой. – Может быть, вы осмотрите свои подметки.

И Жервеза, вся красная, снова села, подняла ноги и показала, что на подошвах ничего нет. Купо открыл дверь и, сухо крикнув «Прощайте!», позвал Жервезу из коридора. Тогда и она вышла, пролепетав какую-то любезность: она надеется, что еще встретится с ними, и тогда все они поймут друг друга. Но Лорилле уже принялись за работу в черной глубине мастерской, где маленький горн светился, точно последний догорающий уголь в жарко натопленной печи. Жена вытягивала новую золотую нить; рубашка спустилась у нее с плеча; отблеск раскаленных углей окрашивал ее кожу в красный цвет; при каждом усилии мускулы на ее шее напрягались и перекатывались, как бечевки. Муж снова согнулся в зеленоватом свете лампы, отсвечивающем от графина с водой. Он опять взялся за цепочку: брал колечко, сгибал его щипчиками, зажимал с одного конца, вводил в предыдущее колечко и снова раздвигал клинышком, – и все это без перерыва, механически, не теряя ни одного движения даже на то, чтобы вытереть пот со лба.

Выйдя из коридора на площадку седьмого этажа, Жервеза не удержалась и сказала со слезами на глазах:

– Это не предвещает счастья.

Купо ожесточенно потряс головой. Лорилле поплатится за этот вечер. Этакий скряга! Вообразил, что они пришли к нему, чтобы украсть крупинки золота! Все это у них от жадности. Сестра, верно, надеялась, что он навсегда останется холостяком, чтобы дать ей возможность выгадывать на его обеде четыре су! Но что бы там ни было, а свадьба будет двадцать девятого июля. Плевать ему на них!

Однако Жервеза спускалась по лестнице с тяжелым сердцем. Ее охватил непонятный страх, она с беспокойством всматривалась в удлинившиеся тени перил. В этот час пустая лестница спала. Только внизу, в глубине, на третьем этаже, горел уменьшенным пламенем газовый рожок. Он тускло, как ночник, освещал этот колодец теней. За закрытыми дверьми была полная тишина, люди спали тяжелым, глубоким сном, каким засыпают рабочие после еды. Только из комнаты гладильщицы доносился тихий смех да из замочной скважины двери мадемуазель Реманжу тянулась ниточка света: она еще шила газовые платица для своих дешевеньких кукол; ее ножницы тихо звякали. Внизу, у г-жи Годрон, продолжал плакать ребенок. В этом немом, черном, глубоком молчании помойные ведра распространяли еще более резкий и отвратительный запах.

Во дворе, пока Купо выкликивал нараспев, чтобы им отворили ворота, Жервеза в последний раз оглянулась на дом. Он показался ей еще громаднее. Окутанные тенью серые фасады, казалось, очистились от язв. Они поднимались, распластанные во тьме, и без лохмотьев, сушившихся днем на солнышке, казались совсем голыми, плоскими. Закрытые окна спали. Только кое-где изредка зажигался внезапно огонь, словно открывались глаза и, подмигивая, глядели в темноту. Над четырьмя входными дверьми, сверху донизу, через все семь этажей, по отвесной прямой, светились тусклым, беловатым светом длинные окна на площадках. Они уходили ввысь, как узкие, бледные башни света. Лампа, горевшая на третьем этаже, в картонажной мастерской, отбрасывала желтую полосу поперек замощенного двора, разрывая мрак, покрывавший мастерские первого этажа. И в самой глубине этого мрака, в сыром углу, мерно стучали в тишине капли, падавшие из плохо завернутого крана колонки. Жервезе вдруг показалось, что дом обрушивается на нее, что он давит ее, леденит ей плечи. Это был все тот же глупый страх, все то же ребячество, над которым она сама потом смеялась.

– Осторожнее! – закричал Купо.

Чтобы выйти, ей пришлось перескочить через большую лужу, которая натекла из красильни. Теперь лужа была синяя, она синела глубокой синевой летнего неба, и маленький ночник привратницы зажигал в ней яркие звездочки.

III

Жервеза не хотела справлять свадьбу. К чему тратить деньги? И потом – она немного стыдилась: ей не хотелось разглашать дело на весь квартал. Но Купо уперся на своем: как это можно венчаться и даже не закусить всей компанией? Наплевать ему на квартал! Они устроят все крайне просто: сперва пошатаются немного, а потом перехватят хорошенько в каком-нибудь ресторанчике. И, конечно, не будет никакой музыки на закуску, никаких кларнетов для услаждения дамских сердец. Просто чокнутся все вместе, да и разойдутся по домам спать.

Кровельщик шутил, зубоскалил и в конце концов убедил Жервезу, поклявшись, что ничего особенного не будет. Сам он обещал все время быть настороже,

чтобы гости не слишком перепились. И вот он взялся за организацию пикника в складчину, по пяти франков с человека, – у Огюста в «Серебряной Мельнице», на бульваре Шапель. Это был маленький недорогой ресторанчик, в нем отдавались под пирушки задние комнаты, выходившие во двор с тремя акациями. На втором этаже будет великолепно! Целых десять дней Купо вербовал в доме на Гут-д'Ор участников пикника. Он пригласил г-на Мадинье, мадемуазель Реманжу и г-жу Годрон с мужем. Кроме того, он уговорил Жервезу позвать двух его товарищей: Сапога и Шкварку-Биби. Конечно, Сапог – пьяница, но зато он так прожорлив, что его всегда приглашают на все вечеринки: любо глядеть, как бесится хозяин ресторана, когда этот обжора с каждым глотком уписывает каравай хлеба. Жервеза, со своей стороны, обещала привести Бошей и свою хозяйку – г-жу Фоконье; они, право, очень порядочные люди. В общем, набралось пятнадцать человек. Вполне достаточно. Когда бывает слишком много народа, дело обычно кончается ссорой.

У Купо не было ни гроша. Но он нашел очень разумный выход. Он занял пятьдесят франков у своего хозяина. На эти деньги он прежде всего купил обручальные кольца. Они стоили двенадцать франков, но Лорилле достал их по фабричной цене – за девять. Затем Купо заказал себе скюртук, жилет и брюки у портного на улице Мира, оставив ему только задаток в двадцать пять франков. Его шляпа и лакированные ботинки могли еще сойти. Десять франков ему пришлось отложить на пикник (за себя и за Жервезу – дети не шли в счет). Осталось ровно шесть франков – как раз чтобы заплатить за самое скромное венчание. Конечно, он недолюбливал это воронье – попов, у него сердце кровью обливалось при мысли, что приходится отдавать шесть франков этим бездельникам, которым и без того живется неплохо. Но, как хотите, без церковной службы свадьба не в свадьбу. Купо сам пошел в церковь торговаться и битый час провозился с жуликоватым, как базарная торговка, хитрым старым попом в грязной сутане. Купо с удовольствием дал бы ему по загривку, но пришлось балагурить, шутить, заговаривать ему зубы; наконец он спросил, не найдется ли у него в лавочке какой-нибудь случайной, не слишком подержанной обедни, чтобы обвенчать парочку. Старый попик, ворча, что господу богу не доставит никакого удовольствия благословлять такой союз, согласился в конце концов взять за венчание пять франков. Что ж, все-таки двадцать су экономии! У Купо оставался теперь один франк.

Жервеза тоже постаралась не ударить в грязь лицом. С тех пор как свадьба была решена, она увеличила свой рабочий день: стала работать по вечерам. Ей удалось скопить тридцать франков. Ее очень соблазняла шелковая мантилька ценою в тринадцать франков, выставленная в магазине на улице Фобур-

Пуассоньер. Она купила эту мантильку. В прачечной г-жи Фоконье недавно умерла одна из прачек; теперь муж продавал ее синее шерстяное платье. Жервеза купила это платье за десять франков и переделала его на свой рост. На оставшиеся семь франков она купила себе бумажные перчатки, розу для чепчика и ботинки старшему сынишке Клоду. К счастью, блузы у ребят были еще сносные. Жервеза просидела четыре ночи, штопая и починяя чулки и белье. Она не хотела оставить ни одной хотя бы самой маленькой дырочки.

В пятницу, накануне важного события, Купо и Жервеза, по возвращении с работы, провозились до одиннадцати часов. Прежде чем разойтись спать, они посидели немного вместе в комнате Жервезы. Она была очень довольна, что все хлопоты подходят к концу. Оба волновались и сильно устали, несмотря на то, что раньше твердо решили не принимать всего этого близко к сердцу и не обращать внимания на мнение соседей. Когда они, наконец, попрощались и пожелали друг другу спокойной ночи, у них уже совсем слипались глаза. Но все-таки, расходясь, оба вздохнули с огромным облегчением. Теперь все уже было устроено. У Купо свидетелями были г-н Мадинье и Шкварка-Биби, Жервеза рассчитывала на Лорилле и Боша. В мэрию и в церковь они собирались пойти скромненько вшестером, не таская за собой толпу приглашенных. Обе сестры жениха объявили, что их присутствие не нужно и что они останутся дома. Но мамаше Купо пришлось обещать, что ее возьмут с собой: она плакала и говорила, что раньше всех проберется в церковь и спрячется где-нибудь в уголке. Встреча всей компании приглашенных была назначена в «Серебряной Мельнице» в час дня. Оттуда, для возбуждения аппетита, собирались устроить прогулку в Сен-Дени; предполагали туда ехать по железной дороге, а обратно идти пешком. Торжество должно было выйти очень удачным. Никакого кутежа, никаких излишеств; просто весело проведут время, прилично и мило.

Одеваясь в субботу утром, Купо смутился, вспомнив, что у него остался всего один франк. Он подумал, что ему придется еще до обеда предложить свидетелям по стаканчику вина и какую-нибудь закуску. Этого требует простая вежливость. Кроме того, могли быть и непредвиденные издержки. Одного франка, конечно, будет мало. И вот, отведя Клода и Этьена к г-же Бош, которая должна была доставить их вечером к обеду, Купо побежал на улицу Гут-д'Ор занять у Лорилле десять франков, – побежал, хотя при мысли о том, какую мину скорчит его любезный зять, просьба становилась ему поперек горла. И действительно, Лорилле заворчал, сморщился, ядовито улыбнулся и только после этого протянул ему с кислой миной две монеты по пять франков. Купо услышал, как его сестра процедила сквозь зубы: «Хорошенькое начало».

Гражданская свадьба в мэрии была назначена в половине одиннадцатого. Погода была чудесная, солнечная. Чтобы не привлекать к себе внимания, вся компания – жених с невестой, мамаша Купо, четыре свидетеля – разделилась на две группы. Впереди шла Жервеза под руку с Лорилле и г-н Мадинье с мамашей Купо. Позади, шагах в двадцати, по другому тротуару шли, сутулясь и размахивая руками, Купо, Бош и Шкварка-Биби, все трое в черных сюртуках, а Бош в желтых брюках; у Шкварки-Биби не было жилета, он застегнулся до самого горла, так что из-за ворота сюртука высовывался только кончик галстука, скрученного веревкой. Один лишь г-н Мадинье был во фраке, в настоящем фраке с длинными квадратными фалдами. Прохожие останавливались и оборачивались, чтобы поглядеть, как этот господин выступает под руку с толстой мамашей Купо в зеленой шали и черном чепце с красными лентами.

Жервеза, веселая и ласковая, любезно слушала шуточки Лорилле, надевшего, несмотря на жару, широкое суконное пальто, болтавшееся на нем, как на вешалке. Она была в своем ярко-синем платье, с накинутой на плечи узенькой мантилькой; на перекрестках она слегка оборачивалась и нежно улыбалась Купо, которого, видимо, стеснял новый костюм, так и блестевший на солнце.

Хотя они шли очень медленно, но все же явились в мэрию задолго до назначенного срока. А так как, кроме того, мэр запоздал, то до них очередь дошла только к одиннадцати часам. Они уселись на стулья в углу зала и стали ждать, говоря шепотом и разглядывая высокий потолок и простые, строгие стены. Каждый раз, как мимо них проходил какой-нибудь канцелярист, они, из вящей учтивости, отодвигались вместе со стульями. Тем не менее они вполголоса поругивали мэра, называли его бездельником, говорили, что он, видно, никак не может расстаться со своей красоткой: наверно, она растирает ему подагру. А может быть, он подал в отставку? Но когда мэр вошел, они почтительно встали. Их попросили сесть. Затем им пришлось переждать три свадьбы, три пышных бракосочетания богатых буржуа. Тут были и невесты, все в белом, и девочки с завитыми кудряшками, и подружки в розовых поясах, и бесконечный кортеж весьма солидных, разодетых мужчин и дам. Когда очередь, наконец, дошла до Купо и Жервезы, то все дело чуть не расстроилось: Биби пропал неизвестно куда. Бош насилу нашел его. Он стоял внизу, на площади, и курил трубку. В самом деле, станет он торчать там с этими расфранченными болванами! Они плюют на всякого, кто не может ткнуть им в нос палевые перчатки.

Формальности – чтение законов, вопросы брачующимся, подписи под бумагами – были проделаны так быстро и гладко, что участники церемонии недоуменно переглянулись: им казалось, что у них зажулили по крайней мере половину церемонии. Взволнованная, потрясенная Жервеза прижимала платок к губам. Мамаша Купо плакала навзрыд. Все расписались в книге, тщательно выводя свои фамилии крупными кривыми буквами; только жених поставил, по неграмотности, крест. Затем пожертвовали по четыре су на бедных. Когда служащий мэрии вручил Купо свидетельство, Жервеза подтолкнула его локтем, и он решился выложить еще пять су.

От мэрии до церкви было не близко. Мужчины по дороге выпили пива, а Жервеза и мамаша Купо – воды со смородиновым сиропом. Они шли по бесконечной улице. Солнце припекало вовсю; не было ни клочка тени. Посреди пустой церкви дожидался сторож. Он впихнул их в маленький придел и сердито спросил, уж не издеваются ли они над религией, что позволили себе опоздать на столько? Тут же поспешно подошел мрачный, проголодавшийся поп; перед ним семенил служка в грязном облачении. Поп спешил. Он глотал латинские фразы, быстро поворачивался, бил поклоны, поднимал второпях руки, искоса поглядывая на брачующихся и свидетелей. Молодые, смущенные и неловкие, не знали, когда надо стать на колени, когда подняться, когда сесть; служка жестами показывал им, что надо делать. Свидетели, из приличия, все время стояли, а мамаша Купо, снова расчувствовавшись, плакала, роняя слезы на молитвенник, который она заняла у соседки. Между тем пробило двенадцать часов. Поздняя обедня отошла. В церкви раздавались гулкие шаги пономарей и служек, резкий шум передвигаемых стульев. Главный алтарь готовили к какому-то празднеству: слышался стук молотков, обойщики прибавали драпировки. Сторож подметал пол, и в облаках пыли, в глубине маленького придела недовольный священник поспешно благословлял старческими высохшими руками склоненные головы Жервезы и Купо. Казалось, он соединял их среди сутолоки переезда, в отсутствие господ бога, в перерыве между двумя настоящими службами. В ризнице молодые и свидетели еще раз расписались в церковной книге и затем вышли на паперть, на яркое солнце. Все были немного ошеломлены и даже как будто запыхались от такого венчания галопом.

– Вот и все, – сказал Купо со смущенным смехом.

Он замялся, не находя, в сущности, во всем этом ничего забавного. Но все-таки попытался пошутить:

– Н-да! Тут долго не канителяются. Отправляют в одну минуту... Совсем как у зубного врача: не успел заорать, а зуба уж и нет. Венчают без боли, как зубы рвут.

– Да, чистая работа, – насмешливо пробормотал Лорилле. – Отваляют в пять минут, а свяжут на всю жизнь. Эх ты, бедный Смородинка!

И все четверо свидетелей похлопали надувшегося кровельщика по плечу. Жервеза тем временем обнимала матушку Купо; она улыбалась, но глаза ее были влажны; старуха, всхлипывая, что-то говорила ей.

– Не бойтесь, – отвечала Жервеза, – я сделаю все, что будет в моих силах. Если нам будет плохо, то не по моей вине. Нет, нет, я так хочу быть счастливой... И потом – что сделано, то сделано. Ведь так? Теперь мы уж сами должны позаботиться о себе.

Все отправились прямо в «Серебряную Мельницу». Купо взял жену под руку. Они шли смеясь, оставив далеко позади всех остальных, не замечая ни домов, ни прохожих, ни экипажей. Оглушительный шум предместья отдавался звоном у них в ушах. Как только пришли в ресторанчик, Купо заказал два литра вина, хлеба и ветчины, чтобы перекусить на скорую руку. Он велел подать все это запросто, без тарелок и скатерти, в маленькой застекленной комнатке первого этажа. Но увидев, что Бош и Шкварка-Биби проголодались не на шутку, он заказал еще вина и кусок сыра. Мамаша Купо была слишком взволнована, чтобы есть. Жервеза умирала от жажды и стакан за стаканом пила воду, слегка подкрашенную вином.

– Я плачу, – сказал Купо и немедленно направился к стойке.

Он заплатил четыре франка и двадцать сантимов. Был уже час дня. Начали прибывать приглашенные. Первой появилась г-жа Фоконье, полная, еще красивая женщина, на ней было полотняное платье с набивными цветами, розовый шейный платочек и чепец, слишком обильно украшенный искусственными цветами. Вслед за ней пришли вместе мадемуазель Реманжу, хрупкая старушка в неизменном черном платье, которое она, казалось, не снимала даже на ночь, и г-жа Годрон с мужем. Коричневый пиджак неповоротливого, как медведь, г-на Годрона трещал при каждом движении. Г-жа Годрон была беременна; ее огромный, выпирающий, круглый живот казался

еще больше от сидевшей в обтяжку ярко-фиолетовой юбки. Купо объявил, что Сапога ждать не надо: он встретится с ними по дороге в Сен-Дени.

– Ну и дела! – закричала, входя, г-жа Лера. – Нас, кажется, вымочит до нитки. Забавно! Вот будет весело!

Она подозвала все общество к двери ресторана и показала на черные, как чернила, тучи, быстро надвигавшиеся на Париж с юга. Г-жа Лера, старшая сестра Купо, женщина высокая, сухопарая, с мужскими ухватками, говорила в нос. На ней было чересчур широкое бордово-красное платье с длинными бахромками, в котором она была похожа на худого пуделя, только что вылезшего из воды. Размахивая зонтом, как тросточкой, она подошла к Жервезе, поцеловала ее и сказала:

– Вы представить себе не можете, какой на улице ветер. Просто обжигает лицо!

Все стали говорить, что уже давно чувствовали приближение грозы. Г-н Мадинье сказал, что едва они вышли из церкви, он понял, что за штука им готовится. Лорилле сказал, что мозоли не давали ему спать с трех часов ночи. Впрочем, иначе и быть не могло: целых три дня стоит невыносимая жара.

– Может быть, пройдет стороной? – повторял Купо, стоя в дверях и беспокойно вглядываясь в небо. – Мы ждем сестру. Как только она придет, можно отправляться.

В самом деле, г-жа Лорилле запаздывала. Г-жа Лера заходила за ней, чтобы идти вместе, но та только еще надевала корсет, и они из-за этого поругались.

Сухопарая вдова добавила брату на ухо:

– Я ей все высказала. Она теперь зла, как собака! Вот увидишь сам, что с ней делается!

Решили подождать еще четверть часика. Гости шатались по залу и толкались среди посетителей, заходивших выпить рюмочку у стойки... Время от времени Бош, г-жа Фоконье или Шкварка-Биби выходили на тротуар и глядели на небо. Дождь еще не начался, но становилось все темней, порывы ветра вздымали

крутящиеся облачка белой пыли. При первом ударе грома мадемуазель Реманжу перекрестилась. Все взоры с тоской устремились на стенные часы над зеркалом: было без двадцати два.

– Ну вот! – воскликнул Купо. – Ангелочки заплакали!

Крупный дождь барабанил по мостовой. Женщины бежали, придерживая юбки обеими руками. И тут-то как раз и появилась г-жа Лорилле; задыхаясь, она стояла в дверях и сражалась с собственным зонтиком, который никак не хотел закрываться.

– Видели вы что-нибудь подобное? – злобно бормотала она – Меня захватило еще у самого дома. Я совсем было решила вернуться. И умно бы сделала... Да, нечего сказать, хороша свадьба! Я ведь говорила, что лучше отложить до следующей субботы. Меня не послушали, – вот дождь и пошел! Тем лучше! Тем лучше! Пусть льет как из ведра!

Купо попытался успокоить ее, но она послала его к черту. Ведь он не заплатит за ее платье, если оно будет вконец испорчено! На г-же Лорилле было черное шелковое платье; она задышалась в нем. Туго стянутый лиф резал ей под мышками; узкая, как футляр, юбка так обтягивала ноги, что ей приходилось ступать совсем маленькими шажками. И все-таки все дамы смотрели на нее, кусая губы: они завидовали ее туалету. Г-жа Лорилле, казалось, даже не заметила Жервезы, сидевшей рядом с мамашей Купо. Она подозвала своего мужа, взяла у него платок и затем, отойдя в угол, стала тщательно вытирать одну за другой дождевые капли, стекавшие по шелку.

Между тем ливень внезапно прекратился. Стало еще темней. Казалось, наступила ночь. Свинцовый мрак прорезывали длинные молнии. Шкварка-Биби, смеясь, кричал, что, пожалуй, теперь с неба посыплется попы. Наконец гроза разразилась с бешеной яростью. Целых полчаса дождь лил как из ведра, и гром гремел не переставая. Мужчины, стоя перед дверью, смотрели на серую пелену дождя, на вздувшиеся ручьи, на водяную пыль, вздымавшуюся над бурлившими под ливнем лужами. Испуганные женщины сидели, закрыв лицо руками; никто не говорил ни слова, у всех захватило дыхание. Когда во время раскатов грома Бош отважился пошутить и сказал, что это чихает святой Петр, никто даже не улыбнулся. Но едва гроза затихла и перестало гроыхать над головами, всех снова охватило нетерпение. Стали проклинать непогоду, грозили тучам кулаками. С пепельно-серого неба моросил нескончаемый мелкий дождь.

– Уже третий час! – закричала г-жа Лорилле. – Не ночевать же нам здесь!

Мадемуазель Реманжу предложила все-таки прогуляться за город, хотя бы до крепостного рва, но все ожесточенно запротестовали: хороши, должно быть, теперь дороги! Нельзя будет даже присесть на травке. И потом, вовсе не похоже, чтобы гроза уже кончилась, может снова хлынуть ливень. Купо, следивший глазами за промокшим рабочим, который спокойно шел под дождем, пробормотал:

– Если дурачина Сапог поджидает нас на дороге в Сен-Дени, то вряд ли его хватит солнечный удар.

Все рассмеялись. Но плохое настроение усиливалось. В конце концов это невыносимо, надо что-то придумать. Невозможно же сидеть вот этак и любоваться друг другом до самого обеда. Целых четверть часа все ломали головы, изобретая, что бы такое предпринять. Дождь упрямо продолжал моросить. Шкварка-Биби предложил сыграть в карты. Бош, человек веселый и себе на уме, заявил, что знает очень забавную игру в исповедника. Г-жа Годрон уговаривала всех пойти на улицу Клиньянкур есть пирожки с луком. Г-жа Лера хотела, чтобы все по очереди рассказывали что-нибудь интересное. Г-н Годрон не скучал, ему и здесь было очень хорошо; он только предлагал теперь же приняться за обед. По поводу каждого предложения подымались споры и перебранка: это глупо, а этак все сразу уснут, – уж не хотите ли вы, чтобы нас приняли за малышей! Лорилле тоже решил вставить свое слово. Он нашел чудесный выход: прогуляться по внешним бульварам до кладбища Пер-Лашез, зайти туда и, если останется время, посмотреть на могилу Элоизы и Абеяра; но тут г-жа Лорилле, не в силах больше сдерживаться, окончательно рассвирепела. Она сию же минуту уходит! Да-с, вот что она сделает! Что это в самом деле. Смеются над ней, что ли? Она одевалась, она промокла под дождем – и все это для того, чтобы торчать здесь, в кабаке! Нет, хватит с нее этой свадьбы! Она предпочитает сидеть дома! Купо и Лорилле загородили дверь, но она повторяла:

– Пустите, пустите же! Говорят вам, что я ухожу!

Когда муж, наконец, успокоил ее, Купо подошел к Жервезе, все время сидевшей тихонько в уголке и разговаривавшей со свекровью и с г-жой Фоконье.

– Что же вы ничего не предлагаете? – спросил он, не осмеливаясь еще говорить ей «ты».

– Ах, я согласна на все, – ответила она, смеясь. – Со мной нетрудно поладить. Пойдем мы или не пойдем, – мне все равно. Мне и здесь очень хорошо, мне ничего больше не надо.

В самом деле, лицо ее светилось тихой радостью. Она успела уже поговорить с каждым из гостей спокойно, тихим и растроганным голосом, в споры она не вмешивалась. Всю грозу она просидела неподвижно, широко раскрытыми глазами глядя на молнии, как будто в этих резких вспышках света видела какие-то важные предзнаменования для своего будущего.

Один г-н Мадинье до сих пор ничего не предлагал. Раздвинув квадратные фалды своего фрака, он стоял, опершись на стойку, и посматривал на всех с важным видом. Он медленно сплюнул, прежде чем заговорить, и закатил свои выпуклые глазищи.

– Господи, – сказал он наконец. – Можно ведь пойти в музей...

И, погладив подбородок, он поглядел на собравшихся, вопросительно подмигивая.

– Там есть всякие древности, картины, портреты – масса всяких вещей. Очень поучительно... Возможно, вы этого не знаете. Надо посмотреть хоть раз в жизни.

Все недоуменно переглядывались. Нет, Жервеза никогда не была в музее, г-жа Фоконье тоже, и Боши, да и все остальные. Только Купо припоминал, что как будто ходил туда как-то в воскресенье, но, право, он ничего не помнит. Однако все колебались, пока г-жа Лорилле, на которую важность Мадинье произвела большое впечатление, не решила, что это будет очень прилично и благородно. Раз уж день все равно пропал, раз уж пришлось одеться, так стоит, по крайней мере, увидеть что-нибудь поучительное. Все согласились с ней. Так как дождь продолжал накрапывать, то пришлось попросить зонтики у хозяина ресторана; зонтики были старые, забытые здесь в разное время посетителями, голубые, коричневые, зеленые. Итак, все общество отправилось в музей.

Через предместье Сен-Дени повернули направо, в Париж. Жервеза и Купо, обогнав всех, снова шли впереди. Г-н Мадинье взял теперь под руку г-жу Лорилле, так как мамаша Купо осталась в ресторане, – у нее болели ноги. За ними шел Лорилле с г-жой Лера, далее Бош с г-жой Фоконье, Шкварка-Биби с мадемуазель Реманжу; позади выступала чета Годрон. Всех было двенадцать человек. Они шествовали по тротуару настоящей процессией.

– Ах, мы здесь решительно ни при чем! Честное слово! – говорила г-жа Лорилле г-ну Мадинье. – Мы даже не знаем, где он ее подцепил; то есть, вернее, слишком хорошо знаем. Но не нам об этом говорить, правда?.. Мой муж был принужден купить им кольца. А сегодня утром пришлось одолжить им десять франков. Без этого не удалось бы сыграть свадьбу. И потом, что это за невеста, которая не может привести на свадьбу ни одного родственника?! Она говорила, что у нее в Париже есть сестра, колбасница. Почему она ее не пригласила, коли так?

Она остановилась и показала на Жервезу, которая сильно прихрамывала на покотом тротуаре.

– Посмотрите-ка! Хороша, нечего сказать!.. Хромуша!

Это словцо – «хромуша» – обошло всех гостей. Лорилле, хихикая, заявил, что так ее и надо всегда называть. Но г-жа Фоконье заступилась за Жервезу: нечего издеваться над ней, она очень порядочная, а уж какая работница! Лучше не надо. Г-жа Лера, которой постоянно приходили в голову двусмысленности, назвала ногу Жервезы «любовный костыль» и добавила, что многие мужчины любят это, но не захотела объяснить, что именно она под этим подразумевала.

Через улицу Сен-Дени вся компания вышла на бульвар и остановилась на минуту перед потоком экипажей, но потом все-таки решилась перейти мостовую, превращенную дождем в сплошное жидкое месиво. Дождь зарядил снова. Открыли зонты: громадные, старомодные, они качались в руках у мужчин. Женщины подобрали юбки. Процессия двинулась по грязи и растянулась от одного тротуара до другого. Два уличных сорванца заулюлюкали, показывая на них; стали сбегаться прохожие; любопытные лавочники выглядывали в окна. В растущей толпе, на мокром сером фоне бульвара, отдельные парочки свадебной процессии выделялись резкими пятнами – ярко-синее платье Жервезы, серое полотняное платье с набивными цветами г-жи Фоконье, канареечно-желтые брюки Боша. Мадинье в своем фраке с квадратными фалдами и Купо в глянцевице выступали с праздничной торжественностью, словно

ряженные на маскараде, между тем как нарядный туалет г-жи Лорилле, бахромки г-жи Лера и обтрепанные оборки мадемуазель Реманжу воплощали все разнообразие мод в этом необыкновенном параде убогой роскоши. Но наибольшее веселье вызывали мужские шляпы, – старые, потускневшие от долгого пребывания в темных шкафах, – шляпы самых невероятных фасонов: высокие, с расширяющейся или остроконечной тульей, с удивительными полями – плоскими или загнутыми, чересчур широкими или, наоборот, совсем узенькими. Веселье дошло до предела, когда в хвосте процессии, в виде заключительного аккорда, проследовала, выставив огромный живот, беременная г-жа Годрон в ярко-фиолетовой юбке. Впрочем, компания не ускоряла шага. Наоборот, все были очень довольны, что на них смотрят, и добродушно посмеивались, не обижаясь на шутки.

– Смотрите, смотрите! Вот она, новобрачная! – закричал какой-то сорванец, показывая на г-жу Годрон. – Бедняжка! Она проглотила большую рыбку!

Все покатались со смеху. Шкварка-Биби обернулся и заявил, что мальчишка сказал недурно. Г-жа Годрон сама смеялась сильнее всех, выставляя свой живот. Это вовсе не позорило ее: наоборот, многие женщины с завистью косились на нее при встрече.

Процессия вышла на улицу Клери и свернула на улицу Майль. На площади Победы произошла остановка – у новобрачной развязался шнурок на левом ботинке. Пока она завязывала его у подножия статуи Людовика XIV, все пары столпились позади, разглядывая ее икры и отпуская разные шуточки. Наконец, спустившись по улице Круа-де-Птишан, компания подошла к Лувру.

Мадинье вежливо попросил разрешения возглавить шествие. Лувр огромен, в нем можно потеряться, а он отлично его знает, знает все лучшие уголки, потому что часто бывал здесь с одним молодым художником. Этот художник – очень образованный и талантливый юноша: большая картонажная мастерская покупает у него эскизы для коробок.

Когда процессия вошла в Ассирийский зал, всех охватила дрожь. Черт возьми! Здесь не жарко! В этом зале можно было бы устроить отличный холодильник! Задрав головы и хлопая глазами, пары медленно проходили мимо каменных колоссов, мимо немых богов из черного мрамора, застывших в священной неподвижности, мимо чудовищных зверей, полукошек и полуженщин, с мертвенными лицами, тонкими носами и распухшими губами. Они находили все

это очень безобразным. Такие ли теперь штучки делают из камня! Финикийская надпись окончательно поразила их. Не может быть, чтобы кто-нибудь мог прочесть эти каракули! Г-н Мадинье, уже стоявший с г-жой Лорилле на площадке лестницы, громко кричал под гулкими сводами:

– Идите же! Все эти штуки ничего не стоят... Надо смотреть во втором этаже.

Суровая простота лестницы внушила всем робость. Смущение еще более увеличилось при виде великолепного служителя в красном жилете и расшитой золотом ливрее, стоявшего на площадке и, казалось, поджидавшего их. В галерею французской живописи все вошли на цыпочках, едва переступая ногами от почтения.

Затем, не останавливаясь, прошли через бесконечный ряд небольших зал. От золота рам рябило в глазах. Они поглядывали на мелькающие полотна: картин было слишком много, чтобы рассмотреть их. Чтобы понять как следует, нужно ведь простоять перед каждой не меньше часа. Боже, сколько картин! Без конца! И сколько денег на это ухлопано! Неожиданно Мадинье остановился перед «Плотом Медузы» и объяснил сюжет. Все были потрясены и стояли молча, не двигаясь. Когда компания тронулась дальше, Бош выразил общее впечатление одним словом: «Здорово!»

В галерее Аполлона всех привел в восторженное изумление блестящий паркет. Он сверкал, как зеркало, в нем отражались ножки диванчиков. Мадемуазель Реманжу зажмурила глаза: ей казалось, что она идет по воде. Все предупреждали г-жу Годрон, чтобы она помнила о своем положении и ступала осторожнее. Мадинье хотел показать компании роспись и позолоту потолка, но у них кружились головы, и они ничего не разбирали. Перед тем как войти в Квадратный зал, Мадинье широким жестом указал на окно:

– Вот балкон, с которого Карл IX стрелял в народ.

Он все время наблюдал за порядком шествия. Посреди Квадратного зала он жестом скомандовал остановку.

– Здесь собрано самое лучшее, что только есть, – проговорил он шепотом, как в церкви.

Стали обходить Квадратный зал. Жервеза просила объяснить сюжет картины «Брак в Кане Галилейской». Как глупо, что не пишут содержание картины на раме! Купо остановился перед «Джокондой»; он находил, что она очень похожа на его тетку. Бош и Шкварка-Биби хихикали и подмигивали, показывая друг другу на голых женщин; особенно потрясли их бедра Антиопы. А позади всех чета Годрон застыла перед «Мадонной» Мурильо. Они стояли с тупым, растроганным видом: он, раскрыв рот, жена, сложив руки на животе.

Когда Квадратный зал обошли кругом, Мадинье предложил осмотреть его еще раз, с самого начала. Это во всяком случае стоит сделать. Все свое внимание он уделял г-же Лорилле из-за ее шелкового платья. Всякий раз, как она спрашивала его о чем-нибудь, он отвечал важно, с величайшим апломбом. Когда она заинтересовалась возлюбленной Тициана, находя, что ее золотистые волосы очень похожи на ее собственные, Мадинье объявил, что это – красавица Фероньер, любовница Генриха IV. Он знал о ней по драме, которую видел в театре Амбипо.

Потом процессия углубилась в длинную галерею итальянской и фламандской школы. Опять замелькали картины, картины и картины, – святые, мужчины и женщины, с какими-то непонятными лицами, черные пейзажи, совершенно желтые животные, целый хаос людей и вещей, беспорядочный поток красок, от которого у всех разболелись головы. Г-н Мадинье больше не говорил; он медленно вел процессию, и все следовали за ним в образцовом порядке, склонив головы набок и уставившись в пространство. Перед ошеломленными невежественными людьми проходили эпохи искусства: утонченная сухость примитивов, блеск венецианцев, полные жизни и дивного света голландцы. Но их больше интересовали живые художники, которые устроились со своими мольбертами среди публики и, не стесняясь, при всех копировали картины. Особенно поразила их пожилая дама: взобравшись на лестницу перед огромным полотном, она расписывала громадной кистью нежно-голубое небо. Но вот мало-помалу распространился слух, что в Лувр явилась свадьба. Со всех сторон стали сбегаться художники. Они прыскали со смеху, любопытные усаживались на диванчики далеко впереди, чтобы присутствовать при прохождении процессии, а сторожа кусали губы и едва удерживались от шуточек. Процессия, усталая и расстроенная, утратила свое почтительное настроение и теперь шла вразброд, волоча ноги, топоча тяжелыми подкованными каблуками по гулкому паркету, – как будто в пустые, чистые, чопорные залы кто-то впустил целое стадо.

Мадинье молчал, подготавливая эффект. Он повернул направо, к «Деревенскому празднику» Рубенса. Здесь он остановился и, все так же молча, многозначительно подмигнув, показал на картину. Подойдя вплотную и рассмотрев, в чем дело, дамы вскрикнули, покраснели и отвернулись. Мужчины удерживали их, смеясь, отыскивая на полотне непристойные подробности.

– Да смотрите же! – повторял Бош. – Вот это стоит денег!.. Вот здесь один блюет. А этот-то, посмотрите! Одуванчики поливает... А этот-то! Глядите, этот-то... Здорово! Хорошо, нечего сказать.

– Ну, пойдем, – сказал Мадинье, очень довольный своим успехом. – Здесь больше нечего смотреть.

Процессия повернула обратно и снова прошла Квадратный зал и галерею Аполлона. Г-жа Лера и мадемуазель Реманжу жаловались на усталость и говорили, что у них отнимаются ноги. Но Мадинье хотел показать супругам Лорилле старинные золотые украшения. Они помещались недалеко, в маленькой комнатке; он прекрасно знает дорогу, он может провести их туда с закрытыми глазами. Тем не менее он все-таки ошибся дверью и потащил свадьбу через целый ряд пустых, холодных комнат, уставленных простыми витринами с бесчисленным количеством глиняных черепков и каких-то безобразных человечков. Все дрожали от холода, изнемогали от скуки. Отыскивая выход, они неожиданно попали в галерею рисунков. Опять началось бесконечное путешествие: рисункам не было конца, зал следовал за залом, и все, как один, были сверху донизу увешаны скучными застекленными листами с какой-то мазней. Мадинье совсем потерял голову, но ни за что не хотел сознаться, что заблудился. Выйдя на какую-то лестницу, он заставил всех подняться этажом выше. На этот раз свадьба совершила путешествие по морскому музею. Она шла мимо моделей инструментов и пушек, мимо рельефных карт и маленьких игрушечных кораблей. Через четверть часа утомительной ходьбы им попалась, наконец, другая лестница. Спустившись по ней, свадьба снова очутилась в самой гуще рисунков. Тогда всех охватило отчаяние. Все так же вытянувшись попарно, вся компания наудачу потащилась через залы. Взбешенный Мадинье шел во главе, вытирая пот со лба и понося на чем свет стоит администрацию, которая, по его словам, переместила двери. Посетители и сторожа с изумлением смотрели на странную процессию, – на протяжении каких-нибудь двадцати минут ее можно было видеть и в Квадратном зале, и в галерее французской живописи, и в комнатах, где за стеклом дремали восточные божки. Расстроенная, одуревшая от усталости компания с грохотом проносилась по

залам, а далеко позади плыл огромный живот г-жи Годрон.

– Закрывается! Закрывается! – закричали во весь голос сторожа.

И свадьбу заперли бы в музей, если бы какой-то сторож не препроводил ее к выходу. Только взяв в гардеробе зонты и выйдя во двор Лувра, все вздохнули свободно. К Мадинье снова вернулся прежний апломб. Он ошибся только в том, утверждал он, что не свернул налево; теперь он припоминает, что драгоценности помещаются именно налево. Впрочем, все притворились, что довольны виденным.

Пробило четыре. До обеда оставалось еще два часа, и надо было как-нибудь заполнить их. Решили прогуляться. Дамы устали, им очень хотелось посидеть. Но так как никто не предлагал угощения, то все двинулись вдоль по набережной. Тут снова пошел дождь, и на этот раз такой сильный, что дамы промокли, несмотря на зонты. Г-жа Лорилле, у которой сердце кровью обливалось при виде каждой капли, попадавшей на платье, предложила укрыться под Королевским мостом и заявила, что если никто не последует за ней, то она пойдет одна. Процессия спустилась под Королевский мост. Здесь было очень недурно. Все решили, что идея г-жи Лорилле великолепна. Дамы разостлали на мостовой носовые платки и уселись на них, поджав ноги. Они рвали травку, пробивавшуюся между камнями, и любовались темной водой Сены, как будто были на загородной прогулке. Мужчины забавлялись тем, что кричали во все горло и перекликались с эхом под арками моста. Бош и Шварка-Биби по очереди ругались в пространство; они зычно выкрикивали: «Свинья!» и отчаянно хохотали, когда эхо повторяло это слово. Накричавшись до хрипоты, они набрали плоских камешков и стали пускать их по воде рикошетом. Дождь уже прекратился, но компании так нравилось под мостом, что она и не думала уходить. По грязным водам Сены плыла всякая дрянь: старые пробки, отбросы, очистки; все это задерживалось на минуту в тени сводов крутящимся бурливым водоворотом. Над головой с грохотом проезжали по мосту омнибусы и фиакры, там суетился Париж, а отсюда, как из щели, были видны одни только крыши направо и налево.

Мадемуазель Реманжу томно вздыхала. Она говорила, что если бы здесь были деревья, то это было бы совсем похоже на одно местечко на Марне, где она однажды гуляла в 1817 году с молодым человеком, которого оплакивает и по сию пору.

Наконец Мадинье дал знак, что пора отправляться. Прошли сад Тюильри, где толпы ребятишек, игравших в мяч или гонявших обручи, несколько расстроили великолепный порядок шествия. Когда компания прибыла на Вандомскую площадь и стала рассматривать колонну, Мадинье, желая доставить удовольствие дамам, предложил взобраться на колонну – посмотреть Париж. Предложение было принято с восторгом. Да, да, туда стоит взобраться! Особенно людям, которые не бывали нигде, кроме своих конурок.

– Неужели Хромуша решится залезть туда со своей короткой ногой? – пробормотала г-жа Лорилле.

– Я поднимусь с большим удовольствием, – говорила г-жа Лера, – но только я не хочу, чтобы за мной шел мужчина.

И свадьба стала взбираться на колонну. Двенадцать человек гуськом поднимались по узкой витой лестнице, придерживаясь за стену и спотыкаясь на выщербленных ступеньках. Когда они очутились в полной темноте, поднялся густой хохот. Дамы взвизгивали, мужчины щекотали их и щипали за ноги. Не глупо ли поднимать из-за этого крик: ведь можно сделать вид, что это мыши, тем более, что такие шалости не влекли за собой никаких последствий, – мужчины сами знали, до каких границ можно доходить. Потом Бош выдумал шутку, которая была немедленно всеми подхвачена. Стали окликать г-жу Годрон, как будто она застряла по дороге. Ее спрашивали, пролез ли живот. Подумайте только! Что, если она застряла и не может податься ни назад ни вперед? Тогда, значит, она закупорила проход, и они так никогда и не смогут выйти отсюда! Над животом беременной женщины потешались так громко, что вся колонна тряслась. Потом Бош совсем разошелся и объявил, что в этой кишке можно состариться, что они никогда не дойдут до конца, а если вылезут, то прямо на небо. Он старался напугать дам и кричал, что колонна шатается. А Купо ничего не говорил. Он шел за Жервезой, обнимал ее за талию и чувствовал, что и она льнет к нему. Он как раз целовал ее в шею, когда все внезапно вышли на свет.

– Ах, как мило! Продолжайте, пожалуйста, не стесняйтесь, – с оскорбленным видом сказала г-жа Лорилле.

Шкварка-Биби казался рассерженным и повторял сквозь зубы:

– Вы так галдели там! Я даже не мог сосчитать ступеньки!

Г-н Мадинье, стоя на площадке, уже показывал знаменитые здания. Г-жа Фоконье и мадемуазель Реманжу никак не решались отойти от лестницы. Мысль о мостовой, простиравшейся где-то далеко внизу, приводила их в трепет. Они едва решались выглядывать из маленькой дверцы. Г-жа Лера была храбрее и даже осмелилась пройти кругом по узкой галерейке, изо всех сил прижимаясь к бронзовому куполу. Но все-таки было очень страшно подумать, что стоит сделать всего один шаг... Черт возьми, вот это был бы прыжок!.. Слегка побледнев, мужчины смотрели на площадь. Казалось, что висишь в воздухе без всякой опоры. Нет, в самом деле, от этого даже под ложечкой сосет! Г-н Мадинье советовал поднять глаза и смотреть прямо перед собой, куда-нибудь вдаль: это предохраняет от головокружения. Он продолжал показывать пальцем разные достопримечательности: Дом инвалидов, Пантеон, собор Парижской богородицы, башню Сен-Жак, холмы Монмартра. Потом г-же Лорилле пришлось в голову спросить, не видит ли он того ресторана на бульваре Шапель, куда они пойдут обедать. Стали отыскивать «Серебряную Мельницу» и проспорили минут десять. Все показывали в разные стороны и уверяли, что ресторан находится именно там. Кругом расстилался огромный серый Париж; глубокие долины терялись в голубоватой дали, а над ними словно зыбилось море; весь правый берег был в тени; над ним, как громадный лоскут, висело тяжелое медно-красное облако; из-за рваных золотых краев этого облака падал широкий сноп солнечных лучей, он зажигал на левом берегу бесчисленное множество окон, они горели, заливая сверкающим светом весь этот угол Парижа, резко выделявшийся на чистом, вымытом грозою небе.

– Стоило, подумаешь, карабкаться сюда, – сердито сказал Бош, сходя по лестнице.

Процессия спускалась молча. Все были сердиты. Слышен был только топот ног по ступенькам. Внизу г-н Мадинье хотел заплатить, но Купо запротестовал и поспешно сунул сторожу в руку двадцать четыре су, – по два су с человека. Было уже половина шестого – как раз время возвращаться. Обрато шли по бульварам и через предместье Пуассоньер. Купо, однако, не хотел, чтобы прогулка кончилась ничем: он затащил всю компанию в ресторанчик. Там выпили по стаканчику вермута.

Обед был заказан к шести часам. В «Серебряной Мельнице» уже двадцать минут ждали свадьбу. Г-жа Бош, оставив лестницу на попечение соседки, привела

детей и теперь болтала с мамашей Купо в зале второго этажа, перед накрытым столом. Клод и Этьен лазили под столом и бегали взапуски между стоявшими в беспорядке стульями. Войдя в комнату, Жервеза сразу кинулась к детям, которых не видела с самого утра, она взяла их на колени, стала ласкать и осыпать поцелуями.

– Они хорошо себя вели? – спросила она г-жу Бош. – Не очень вас донимали?

И пока г-жа Бош рассказывала ей про забавные выходки малышей, Жервеза в порыве нежности снова схватила их и прижала к груди.

– Как это нелепо со стороны Купо, – говорила г-жа Лорилле, сидевшая с дамами в глубине зала.

Жервеза держалась все так же спокойно и приветливо. Но с тех пор, как все вернулись с прогулки, у нее временами становилось как-то грустно на душе; она поглядывала на мужа и на супругов Лорилле с задумчивым и сосредоточенным видом. Ей казалось, что Купо боится сестры. Еще вчера он кричал и божился, что осадит этих ехидн, если только они осмелятся задеть ее. Но теперь она отлично видела, что в их присутствии он робеет, лебезит перед ними, ловит каждое их слово и становится сам не свой, когда ему кажется, что они на него сердятся. Все это внушало молодой женщине беспокойство за будущее.

Ждать было уже некого, кроме Сапога, который все еще не пришел.

– А, черт! – закричал, наконец, Купо. – Сядем за стол, что ли? Вот увидите, он живо примчится, у него тонкий нюх, он издалека чувствует жратву... В самом деле, если он до сих пор торчит на дороге в Сен-Дени, то это просто смешно!

Развеселившаяся компания стала рассаживаться, грохоча стульями. Жервеза села между г-ном Лорилле и Мадинье, а Купо между г-жой Фоконье и г-жой Лорилле. Все прочие рассаживались, где кому вздумается: ведь если места распределяются заранее, то дело всегда кончается спорами и неудовольствием. Бош устроился рядом с г-жой Лера. Шкварка-Биби сел между мадемуазель Реманжу и г-жой Годрон. Что касается г-жи Бош и мамыши Купо, то они сидели на конце стола: надо было смотреть за детьми, резать им мясо и следить, чтобы они не пили много вина.

– А молитву-то разве не будут читать? – пошутил Бош.

Но г-жа Лорилле не любила таких шуток. Дамы прикрыли юбки краешком скатерти, чтобы не запачкать их. Почти холодный суп с лапшой съели очень быстро, со свистом втягивая лапшу с ложек в рот. Прислуживали два гарсона в сальных куртках и передниках сомнительной чистоты. Четыре окна, выходившие на двор с акациями, были открыты. В них вливался еще теплый воздух. Омытый грозой день угасал. Деревья, росшие в этом сыром углу, бросали в чадный зал зеленоватые отблески; тени их листьев плясали по скатерти, отдававшей легким запахом плесени. В обоих концах зала висело по засиженному мухами зеркалу; и стол, уставленный грубой, пожелтевшей посудой с черными царапинами от ножей, бесконечно удлинялся, отражаясь в них. Каждый раз, как гарсон, возвращаясь из кухни, открывал дверь, обедающих обдавало густым запахом газа и пригорелого сала.

– Не надо говорить всем сразу, – сказал Бош среди всеобщего молчания, видя, что все сидят, уткнувшись носами в тарелки.

Уже успели выпить по первому стаканчику и поглядывали на гарсонов, подававших два пирога с телятиной, когда, наконец, ввалился Сапог.

– Однако и сволочи же вы! – закричал он. – Я торчал на дороге битых три часа, все подметки протоптал, дошло до того, что жандарм потребовал у меня документы... Разве поступают так по-свински с друзьями? Уж вы бы по крайней мере хоть гроб прислали за мной с посыльным. Нет, шулки в сторону, это гадко. И вдобавок шел такой дождь, что у меня даже карманы были полны воды... Право, в них еще и сейчас можно рыбу удить.

Вся компания покатывалась со смеху. Каналья Сапог, очевидно, уже успел влить в себя обычную свою порцию – два литра. Теперь надо было постараться усадить его так, чтобы он никого не измазал: он весь перепачкался под дождем.

– Эй ты, граф Баранье Седло, – сказал Купо. – Садись-ка поскорее рядом с госпожой Годрон. Видишь, мы ждем тебя.

Впрочем, Сапогу не трудно было догнать остальных. Он принялся за суп и съел три тарелки, макая в лапшу огромные куски хлеба. Когда он вслед за тем набросился на пирог, весь стол уставился на него в восхищении. Черт возьми,

как лопают! Хлеб был нарезан тонкими ломтиками, и Сапог запихивал такой ломтик в рот целиком, так что ошеломленные лакеи едва успевали подавать. В конце концов он рассердился и потребовал, чтобы рядом с ним поставили целый каравай. В дверях зала показался встревоженный хозяин. Его появления ждали, и оно было встречено новым взрывом хохота. Да, не сладко ему приходится! Но что за чудище, однако, этот Сапог! Ведь это он, кажется, проглотил однажды двенадцать крутых яиц и выпил двенадцать стаканов вина за то время, что часы били двенадцать! Не часто приходится встречаться с таким чудом. Мадемуазель Реманжу с умилением глядела на неустанно работающие челюсти Сапога, а Мадинье долго подбирал слова, чтобы выразить свое почтительное изумление, и наконец заявил, что, по его мнению, это просто необыкновенный дар.

Наступило молчание. Лакей подал на стол фрикассе из кролика в огромном глубоком блюде. Шутник Купо отпустил по этому поводу остроту.

– Послушайте, – сказал он лакею, – ведь этот кролик только что с крыши... Он еще мяукает.

И действительно, раздалось тихое мяуканье, шедшее как будто с блюда. Купо делал это горлом, не раскрывая рта, и очень похоже. Эта шутка неизменно имела такой успех, что Купо, обедая в ресторане, всегда заказывал кролика. Потом он мурлыкал. Дамы помирали со смеху и зажимали рты салфетками.

Г-жа Фоконье попросила голову: она любила только голову. Мадемуазель Реманжу обожала шкварки. Когда Бош заявил, что он всему предпочитает мелкие луковички, если только они хорошо пропитаны салом, г-жа Лера закусила губу и прошептала:

– Я понимаю.

Она была суха, как жердь, работала с утра до ночи и жила в полном одиночестве. С тех пор как она овдовела, ни один мужчина никогда не заглядывал к ней, тем не менее у нее вечно были какие-то сальности на уме, она постоянно изрекала двусмысленности, непристойные намеки, до того тонкие, что никто, кроме нее, не понимал их. Бош наклонился к ней и на ухо, шепотом, попросил объяснить ему, в чем дело.

– Ну, конечно, маленькие луковки... Кажется, вполне понятно, – заявила она.

Между тем разговор за столом принял серьезное направление. Каждый рассказывал о своем ремесле. Г-н Мадинье восхвалял картонажное искусство: в этом деле есть настоящие художники. Он рассказывал о великолепных коробках для подарков, эскизы которых он видел. Однако Лорилле подсмеивался над ним; он страшно гордился тем, что ему приходится иметь дело с золотом, ему казалось, что его пальцы, руки, вся его особа хранит на себе отблеск золота. Он заявил, что в старые времена ювелиры носили шпагу, и назвал наобум Бернара Палисси. Купо рассказывал о флюгере, который сделал его товарищ. Это было настоящее произведение искусства: на столбике помещался сноп, на снопе корзина с фруктами, а надо всем – флаг, и все это было сделано просто из цинка, нарезанного полосками и затем спаянного. Г-жа Лера объясняла Шкварке-Биби, как делается стебелек для розы; для большей ясности она вертела своими костлявыми пальцами ручку ножа. Голоса становились все громче, гости перебивали друг друга. Сквозь общий шум был слышен зычный голос г-жи Фоконье, которая жаловалась на своих работниц: вчера одна ее мастерица, этакая дрянная девчонка, сожгла утюгом простыни.

– Говорите, что хотите, – крикнул Лорилле, стукнув кулаком по столу, – а золото всегда останется золотом.

Эта истина заставила всех замолчать. Среди внезапно наступившей тишины был слышен только голосок мадемуазель Реманжу:

– Тогда я задираю ей юбки, зашивая снизу... Потом втыкаю в голову булавку, чтобы чепчик держался... И все... Их продают по тринадцати су.

Это она объясняла Сапогу, как делаются куклы. Сапог, не слушая, кивал головой и продолжал жевать: челюсти его двигались медленно и мерно, как жернова; он то и дело поворачивал голову, следя за гарсонами, чтобы они не уносили блюд, пока он не подчистит их до конца. Уже съели телятину с гарниром из зеленых бобов, и было подано жаркое – пара тощих цыплят, обложенных высохшим в печке кресс-салатом. На дворе солнце, угасая, освещало высокие ветви акаций. В зале зеленоватый отблеск сгущался от испарений, поднимавшихся над залитым вином и соусом, загроможденным посудой столом. Грязные тарелки и пустые бутылки, составленные гарсонами вдоль стен, казались мусором, сметенным со скатерти. Стало очень жарко. Мужчины сняли сюртуки и ели в одних жилетах.

– Госпожа Бош, пожалуйста, не пичкайте их так, – сказала Жервеза; она почти не разговаривала и все время следила глазами за Клодом и Этьеном.

Теперь она встала и, подойдя к ним, остановилась на минутку за их стульями. Дети ничего не понимают; они готовы жевать целый день и не откажутся ни от чего! Однако она сама положила им немного цыпленка – по кусочку белого мяса. Мамаша Купо сказала, что один раз ничего, можно и засорить желудок. Г-жа Бош вполголоса обвиняла мужа, что он якобы ущипнул г-жу Лера за ногу. Ах он, пьяная шельма! Она прекрасно видела, как он запустил руку под стол. Если он попробует еще раз, то, честное слово, она треснет его графином по башке.

Среди общего молчания г-н Мадинье завел разговор о политике.

– Их закон от тридцать первого мая – гнусная подлость! Теперь, чтобы быть избирателем, требуется прожить на одном месте два года. Три миллиона граждан вычеркнуты из списков... Мне говорили, что Бонапарт, в сущности, и сам очень недоволен. Ведь он любит народ, он доказал это не раз.

Мадинье был республиканец, но преклонялся перед Бонапартом из-за его дядюшки. Вот был человек, – таких теперь нет! Шкварка-Биби рассердился: он работал в Елисейском дворце и видел Бонапарта лицом к лицу – так, как он сейчас видит Сапога. Ну и что же! Этот гнусный президент просто жеребец, вот и все! Говорят, он скоро отправляется в Лион. Пусть бы сломал себе там шею!

Видя, что разговор принимает дурной оборот, Купо счел нужным вмешаться:

– Да бросьте вы! Этакая глупость, сцепиться из-за политики!.. Вот еще ерунда, политика. Да разве она для нас существует?.. Не все ли равно, кого они там посадят: короля, императора или хоть вовсе никого, – нам какое дело? Разве это может помешать мне зарабатывать пять франков в день, есть и спать? Не так ли?.. Нет, это слишком глупо!

Лорилле покачал головой. Он родился в один день с графом Шамбор – 29 сентября 1820 года. Это совпадение постоянно поражало его, пробуждало в нем какие-то смутные грезы, он усматривал некую связь между своей личной судьбой и возвращением во Францию короля. Он никогда не говорил, на что, собственно, надеется, но намекал, что тогда произойдут какие-то чрезвычайно счастливые для него события. Каждый раз, как у Лорилле возникало какое-

нибудь желание, которое он не имел возможности удовлетворить, он откладывал его на будущее, говоря: «Когда вернется король».

– К тому же, – сказал он, – я однажды видел графа Шамбор.

Все обернулись к нему.

– Да, собственными глазами. Такой дородный мужчина, в пальто, очень добродушный на вид. Я был у Пекинью; это мой приятель, он торгует мебелью на Гранд-Рю де-ла-Шапель... Граф Шамбор забыл у него накануне зонтик. И вот он вошел и сказал так просто: «Верните мне, пожалуйста, мой зонтик». Ах, господи! Ну да, это был он! Пекинью дал мне честное слово.

Никто из гостей не выразил ни малейшего сомнения. Подали сладкое. Гарсоны с грохотом убирали со стола посуду.

– Проклятый увалень! – завопила вдруг г-жа Лорилле, державшаяся до сих пор вполне прилично, даже чинно: один из гарсонов, поднимая блюдо, капнул ей чем-то на шею. Наверно, на ее шелковом платье теперь пятно! Г-н Мадинье должен был осмотреть ей спину, но он клялся, что не видит ничего. Теперь посреди стола была водружена миска с яичным кремом, а по бокам – две тарелки с сыром и две с фруктами. Белки в яичном креме были переварены и плавали хлопьями в желтой жидкости, но, тем не менее, десерт вызвал сенсацию: его не ждали и нашли очень шикарным. Сапог все уписывал за обе щеки. Он спросил еще хлеба. Проглотив два куска сыра, он придвинул к себе миску, в которой еще оставался крем, и стал макать в нее огромные куски хлеба.

– Вот действительно замечательная личность, – сказал Мадинье, снова охваченный восхищением.

Наконец мужчины встали, чтобы закурить трубки. Они останавливались на минутку позади Сапога, похлопывали его по плечу и спрашивали, как у него идут дела. Шкварка-Биби поднял его вместе со стулом. Черт возьми! Это животное удвоилось в весе! Купо смеха ради сказал, что Сапог только еще начинает входить во вкус: теперь он будет есть хлеб всю ночь. Гарсоны в ужасе исчезли. Бош вышел на минутку и, вернувшись, стал рассказывать, что творится с хозяевами внизу: хозяин стоит за прилавком бледный как смерть, хозяйка в полном смятении, – она уже посылала узнать, открыты ли еще булочные; даже у

хозяйской кошки совсем убитый вид. В самом деле, это забавно, стоит заплатить деньги за такой обед! Надо на все пикники приглашать этого обжору Сапога! Мужчины, покуривая трубочки, смотрели на него завистливыми взглядами: чтобы слопать столько, нужно быть и впрямь здоровенным детиной!

– Ну, не хотела бы я кормить вас, – сказала г-жа Годрон, – нет, уж избавьте!

– Бросьте шутить, матушка, – сказал Сапог, косясь на ее живот. – Вы проглотили побольше моего.

Ему заплодировали, закричали «браво» – это было метко сказано! Уже совсем стемнело. В зале горели три газовых рожка; в их колеблющемся свете плавали облака табачного дыма. Гарсоны подали кофе и коньяк и унесли последние стопки грязных тарелок. Внизу, под тремя акациями, началась вечеринка. Громко заиграли две скрипки и корнет-а-пистон. В теплом ночном воздухе раздавался хриловатый женский смех.

– Надо соорудить жженку! – закричал Сапог. – Два литра водки, побольше лимона и поменьше сахара!

Но Купо, увидев встревоженное лицо Жервезы, встал и заявил, что пить больше незачем. Выпито двадцать пять литров, по полтора литра на человека, даже если считать детей. Этого более чем достаточно. Ведь собрались, чтобы пообедать вместе, по-дружески, без шумихи, потому что все уважают друг друга и хотят отпраздновать в своем кругу семейное торжество. Все было очень мило, было весело, и хотя бы из уважения к дамам не следует напиваться по-свински. Ведь собрались в конце концов не для того, чтобы безобразничать, а чтобы выпить за здоровье молодых.

Эту маленькую речь кровельщик произнес самым убедительным тоном, прижимая руку к сердцу в конце каждой фразы. Он получил живейшее одобрение со стороны Лорилле и г-на Мадинье. Но остальные – Бош, Годрон, Шкварка-Биби и особенно Сапог – насмеялись над ним. Все четверо были уже пьяны, они твердили заплетающимися языками, что их мучит дьявольская жажда, что необходимо промочить горло.

– Кому хочется пить, тому хочется пить, а кому не хочется пить, тому не хочется пить, – заявил Сапог. – Так вот, мы заказываем жженку... Мы никого за шиворот

не тянем. Аристократишки могут пить сахарную водицу.

Купо продолжал увещевать его, но Сапог хлопнул себя по заду и закричал:

– А ну тебя! Ступай к свиньям!.. Человек, два литра старой!

Тогда Купо заявил, что в таком случае необходимо сейчас же расплатиться. Это устранил все недоразумения, потому что приличные люди вовсе не обязаны платить за пьяниц. Сапог начал рыться по всем карманам и, конечно, вытащил в конце концов только три франка семь су. Вольно же было им заставить его мокнуть на дороге в Сен-Дени! Он был принужден разменять пятифранковик. Сами виноваты, вот и все! Он кончил тем, что отдал Купо три франка, а семь су оставил себе на табак. Купо был в ярости; он избил бы своего приятеля, если бы испуганная Жервеза не оттащила его за сюртук. Купо решил занять два франка у Лорилле. Тот сначала отказал, но потом дал, потихоньку от жены, потому что она ни за что не позволила бы.

Между тем г-н Мадинье взял тарелку. Первыми положили пятифранковые монеты женщины – г-жа Лера, г-жа Фоконье, мадемуазель Реманжу. Мужчины, отойдя в другой конец зала, стали подсчитывать деньги. Всех было пятнадцать человек, – стало быть, надо было набрать семьдесят пять франков. Когда на тарелке собралось семьдесят пять франков, каждый прибавил по пяти су для лакеев. Этот сложный расчет занял пятнадцать минут. Наконец все было улажено к общему удовольствию.

Г-н Мадинье хотел сам расплатиться с хозяином и пригласил его в залу. Но хозяин, ко всеобщему изумлению, улыбнулся и заявил, что собранного мало, что его счет больше. К обеду были сделаны добавления. Так как слово «добавления» вызвало целую бурю негодующих криков, хозяин стал подробно перечислять, что было добавлено: уговаривались насчет двадцати литров вина, а выпили двадцать пять; яичный крем он добавил потому, что десерт показался ему слабоватым, наконец к кофе был подан графинчик рома, потому что многие любят ром. Поднялся шумный спор. У Купо потребовали объяснений, он энергично оправдывался: о двадцати пяти литрах никакого разговора не было; яичный крем был дан на десерт, а если хозяин добавил его по собственной прихоти, то тем хуже для него; что же касается рома, то это жульничество, это хитрая уловка, хозяин подсунул его на стол, чтобы увеличить счет. Никто его не просил об этом.

– Он был подан на одном подносе с кофе, – кричал Купо. – Ну и отлично! Его следует и считать вместе с кофе!.. Оставьте нас в покое. Берите ваши деньги и убирайтесь! Черт нас побери, если мы еще когда-нибудь заглянем в ваш грязный сарай.

– Шесть франков, – повторял хозяин ресторана. – Отдайте мне шесть франков... И я еще не считаю трех караваев хлеба, которые съел один из вас!

Все столпились вокруг него, бешено жестикулируя, оглушительно крича, захлебываясь от негодования. Особенно выходили из себя женщины: они не хотели прибавлять ни сантимата... Вот так свадьба! Нечего сказать, отлично! Мадемуазель Реманжу кричала, что никогда больше ее не заманят на такие угощения. Г-жа Фоконье твердила, что обед был очень скверный; у себя она может состряпать на сорок су такой обед, что пальчики оближешь. Г-жа Годрон жаловалась, что ее посадили на самое плохое место, рядом с Сапогом, который не обращал на нее ни малейшего внимания. Эти пирушки всегда кончаются плохо! Когда хотят устроить свадьбу как следует, то приглашают только порядочных людей! Испуганная Жервеза укрылась у окна, прижавшись к матушке Купо. Ей было стыдно. Она чувствовала, что все эти обвинения падают на нее.

В конце концов Мадинье пошел вместе с хозяином обсудить положение вещей. Слышно было, как они спорили внизу. Через полчаса картонажник вернулся. Он уладил дело, сойдясь с хозяином на трех франках. Но, тем не менее, все были сердиты и раздосадованы. Разговор все время возвращался к злосчастным «добавлениям». Вскоре разразился новый скандал. На этот раз он был вызван энергичной выходкой г-жи Бош. Она все время следила за мужем и заметила, как он в уголке ущипнул г-жу Лера за талию. Тогда она со всего размаху запустила в него графином, который, ударившись о стену, разлетелся вдребезги.

– Сразу видно, что ваш муж портной, сударыня, – сказала сухопарая вдова, с двусмысленным видом закусывая губу. – Юбочник первостатейный! Я уже успела надавать ему под столом хороших пинков.

Вечер был испорчен. Настроение ухудшилось. Г-н Мадинье предложил спеть; но Шкварка-Биби, славившийся своим голосом, куда-то исчез. Мадемуазель Реманжу, высунувшись из окна, увидела его спину внизу. Он плясал под акациями с какой-то толстой простоволосой девицей. Две скрипки и корнет-а-пистон играли кадрили «Продавец горчицы»; ее танцевали с прихлопыванием в

ладоши. Тогда все постепенно разбрелись: Сапог и супруги Годрон ушли; Бош тоже ускользнул. В окна были видны парочки, вертевшиеся между деревьями.

Зелень, освещенная развешенными на ветвях фонариками, казалась искусственной, нарочито яркой, точно это была декорация. Разомлевшая от жары ночь дремала чуть дыша. В зале завязался серьезный разговор между Лорилле и Мадинье, а в это время дамы, не зная, на чем сорвать сердце, стали осматривать свои платья, стараясь найти на них пятна.

Бахромки г-жи Лера, очевидно, попали в кофе. Платье г-жи Фоконье было все залито соусом. Зеленая шаль мамыши Купо упала со стула и была найдена в углу, измятая и затоптанная. Но больше всех бесновалась г-жа Лорилле. У нее было пятно на спине; пусть ей говорят, что там ничего нет, она его чувствует! Она извивалась и выворачивалась перед зеркалом и в конце концов нашла его.

– Что я вам говорила?! – закричала она. – Это куриный соус! Гарсон заплатит мне за платье! Я судом с него вытребую!.. Ну и денек! Все одно к одному! Лучше бы мне и впрямь остаться дома. Я сейчас же ухожу. Довольно с меня их дурацкой свадьбы!

Она выбежала в таком бешенстве, что лестница затряслась под ее шагами. Лорилле побежал уговаривать ее. Но она соглашалась подождать только пять минут, здесь на улице, если компания хочет идти вместе. Ей следовало бы уйти сразу после грозы, как она и хотела. Купо поплатится за этот день!

Купо был совершенно ошеломлен этим взрывом бешенства, и Жервеза, чтобы успокоить его, согласилась сейчас же идти домой. Тогда все стали спешно прощаться. Г-н Мадинье взялся проводить мамашу Купо. Г-жа Бош брала к себе ребят на первую ночь; Жервеза могла быть спокойна за них. Малютки уже спали прямо на стульях, объевшись неудобоваримым яичным кремом. Молодые вышли вместе с Лорилле, оставив компанию в ресторанчике. Во дворе уже завязалась ссора с чужими посетителями. Бош и Сапог подхватили какую-то даму и, угрожая разогнать всю ватагу, ни за что не хотели возвратить ее по принадлежности двум военным. Две скрипки и корнет-а-пистон яростно отхватывали польку «Жемчужина».

Было около одиннадцати часов. По бульвару Шапель и по всему кварталу Гут-д'Ор шло повальное пьянство: на эту субботу выпадала двухнедельная получка.

Г-жа Лорилле поджидала остальную компанию под газовым фонарем, шагах в двадцати от «Серебряной Мельницы». Она взяла Лорилле под руку и пошла вперед, не оборачиваясь, такими шагами, что Жервеза и Купо, задыхаясь, едва поспевали за ней. Временами им приходилось сходить с тротуара, чтобы обойти пьяного, который валялся на земле, как свинья. Лорилле обернулся и сказал, чтобы сгладить неприятное впечатление:

– Мы проводим вас до самого дома.

Но тут заговорила г-жа Лорилле. Она находила нелепым проводить брачную ночь в этой вонючей дыре, в «Гостеприимстве». Разве они не могли отложить свадьбу и скопить несколько франков, чтобы обзавестись мебелью и провести первую ночь в своем углу? Нечего сказать, хорошо им будет, когда они закуporятся в свою десятифранковую клетушку под крышей. Там на двоих и воздуха-то не хватит!

– Я отказался от комнаты, мы не будем жить наверху, – робко заметил Купо. – Мы оставляем за собой комнату Жервезы, она больше.

Г-жа Лорилле вдруг обернулась и вне себя от злости закричала:

– Еще лучше!.. Ты будешь жить в комнате Хромуши!

Жервеза страшно побледнела. Это прозвище, впервые брошенное ей прямо в лицо, ударило ее, как пощечина. Кроме того, она отлично поняла смысл восклицания золовки: комната Хромуши – это комната, в которой она прожила месяц с Лантье, в которой еще не изгладились следы ее прошлой жизни. Купо не понял. Он обиделся только на прозвище.

– Напрасно ты даешь клички другим, – сердито сказал он. – Разве ты не знаешь, что весь квартал зовет тебя за твои волосы Коровьим Хвостом. Ведь это тебе не доставляет удовольствия, а?.. Почему бы нам и не оставить за собой комнату во втором этаже? Сегодня детей не будет, нам там будет очень хорошо.

Г-жа Лорилле ничего не ответила и с величественным видом замкнулась в себе, страшно уязвленная этой кличкой «Коровий Хвост». Купо, чтобы утешить Жервезу, тихонько пожимал ей руку; ему даже удалось под конец развеселить ее. Он весело шептал ей на ухо, что они входят в брачную жизнь с капиталом в

семь су: три больших монетки по два су и маленькая в одно су. Этими монетами он все время позвякивал в кармане. Дойдя до «Гостеприимства», все распрощались очень сухо. Купо стал подталкивать женщин друг к другу, чтобы они поцеловались, и назвал их дурами, но в эту минуту какой-то пьяный, желая обойти их справа, вдруг сильно качнулся влево и повалился как раз между ними.

– Э, да это дядя Базуж! – сказал Лорилле. – У него сегодня получка.

Испуганная Жервеза прижалась к двери гостиницы. Дядя Базуж, старик лет пятидесяти, был факельщиком. Его черные штаны были испачканы грязью, черный плащ застегнут на плече, а черная кожаная шляпа сплющилась от многочисленных падений.

– Не бойтесь, он не злой, – продолжал Лорилле. – Это наш сосед: третья комната по коридору, не доходя до нас...

Вот была бы штука, если б он в таком виде попался на глаза своему начальству.

Дядя Базуж обиделся, что Жервеза так испугалась его.

– Ну, что, в чем дело? – бормотал он. – Что я, людоед, что ли?.. Я не хуже других, милочка моя... Ну, правда, я выпил маленько! Надо же рабочему человеку смазать себе колеса. Ни вы, ни ваши приятели не сумели бы вынести покойника в пятнадцать пудов весом. А мы его стащили вдвоем на улицу с пятого этажа и даже ничуть не поломали... Я, знаете, люблю веселых людей...

Но Жервеза забилась в дверную нишу. Ей хотелось плакать, и все ее спокойствие и радостное настроение были отравлены. Она уже не собиралась целоваться с золовкой. Она умоляла Купо прогнать пьяного. Тогда дядя Базуж, пошатываясь, сделал жест, полный философического презрения:

– Все равно, все там будем, милочка... И вы тоже... Придет, может быть, день, когда вы будете рады убраться туда поскорей... Да, немало я знаю женщин, которые сказали бы мне спасибо, коли я сволок бы их туда.

Когда Лорилле потащили его домой, он обернулся и, икнув, пробормотал на прощание:

– Когда человек помер... послушайте-ка... когда человек помер, это уж надолго.

IV

Четыре года прошли в тяжелой работе. Жервеза и Купо считались в квартале примерной четой. Они жили скромно, никогда не скандалили и регулярно, каждое воскресенье, ходили гулять в Сент-Уэн. Жена работала у г-жи Фоконье по двенадцати часов в день и все-таки находила время и комнату держать в порядке и чистоте, и семью покормить утром и вечером. Муж не пьянствовал, отдавал всю получку семье и по вечерам, перед сном, выкуривал трубочку у открытого окна. Купо были прекрасными соседями, их ставили в пример. А так как общий их заработок достигал десяти франков в день, то считалось, что им удастся кое-что откладывать.

Однако первое время им приходилось выбиваться из сил, чтобы хоть как-нибудь свести концы с концами. Свадьба влетела им в двести франков долга. Потом им до тошноты опротивела грязная гостиница, густо населенная какими-то темными личностями. Они мечтали о собственном уголке с собственной мебелью, где все можно устроить по-своему. Двадцать раз они принимались высчитывать, во что это должно обойтись. Если они хотят устроиться хоть сколько-нибудь прилично, обзавестись самым необходимым, чтобы было куда рассовать вещи и на чем сварить обед, то это станет в кругленькую сумму, так, примерно, около трехсот пятидесяти франков. Нечего было и надеяться скопить такую огромную сумму меньше чем в два года, но на помощь им пришел счастливый случай: один пожилой господин из Плассана попросил их отпустить к нему старшего мальчика, Клода, чтобы определить его в школу. То был чудаков, любитель живописи, и вот ему пришла в голову счастливая причуда: он как-то увидел человечков, которых любил рисовать Клод, и пришел в восторг. А на Клода уходила масса денег. Оставшись с одним Этьеном, Жервеза и Купо скопили триста пятьдесят франков в семь с половиной месяцев. В тот день, когда была куплена мебель у торговца подержанными вещами на улице Бельом, они, прежде чем вернуться домой, совершили прогулку по бульварам. Оба сияли от восторга. Теперь у них была кровать, ночной столик, комод с мраморной доской, шкаф, круглый стол с клеенкой, шесть стульев, – все это из старого красного дерева, – да еще, кроме того, постельные принадлежности, белье и почти новая кухонная посуда. Им казалось, что теперь они по-настоящему, серьезно вступают в жизнь, и то, что они сделались собственниками, придавало

им какой-то вес среди почтенных обитателей квартала.

Два месяца они подыскивали себе квартиру. Сначала хотели поселиться в большом доме на Гут-д'Ор. Но там все было занято, не оставалось ни одной свободной комнатки; пришлось отказаться от этой давнишней мечты. Сказать по правде, Жервеза была не слишком огорчена этим: ее страшило близкое соседство с Лорилле. И супруги стали подыскивать помещение в другом месте. Купо весьма разумно полагал, что надо взять квартиру поближе к прачечной г-жи Фоконье, чтобы Жервеза могла забежать домой в любое время дня. Наконец им попалась настоящая находка: две комнаты с кухней (одна большая комната и одна маленькая) на Рю-Нев, почти напротив прачечной, в маленьком двухэтажном домике с очень крутой лестницей. Наверху было только две квартирки: одна направо, другая налево. Внизу жил хозяин каретного заведения; на большом дворе, вдоль улицы, стояли сараи с его экипажами. Молодая женщина была совершенно очарована этой квартиркой, ей казалось, что она снова попала в провинцию. Соседок не было, сплетен опасаться не приходилось. Этот тихий, мирный уголок напоминал ей улочку в Плассане, за крепостным валом. В довершение всего, даже не отрываясь от утюга, она могла видеть из прачечной окна своей квартиры, – стоило только вытянуть шею.

Жервеза была уже на девятом месяце беременности. Но она держалась молодцом и, смеясь, уверяла, что ребенок помогает ей работать. Она говорила, что чувствует, как он подталкивает ее своими ручонками, и это придает ей силы. Она и слушать не хотела, когда Купо уговаривал ее полежать и немного отдохнуть. Да, как же! Станет она валяться! Она ляжет, только когда начнутся схватки. Не до того теперь, когда скоро прибавится новый рот, и надо будет работать вдвое. Жервеза сама вымыла всю квартиру, а потом помогла мужу расставить мебель. К этой мебели у нее было почти благоговейное отношение; она чистила ее с материнской заботливостью, при виде малейшей царапины сердце у нее обливалось кровью. Когда ей случалось, подметая пол, задеть мебель щеткой, она вздрагивала и пугалась, как будто ушибла самое себя. Особенно нравился ей комод; он казался ей таким красивым, внушительным, солидным. У нее была тайная, заветная мечта, о которой она не решалась даже заикнуться: ей хотелось поставить прямо на середину комода, на мраморную доску, большие часы, – вот было бы великолеpie! Если бы Жервеза не ожидала ребенка, может быть, она и рискнула бы купить часы. Но теперь надо подождать, и она со вздохом откладывала исполнение своей мечты на будущие времена.

Супруги были в полном восторге от своей новой квартиры. Кровать Этьена стояла в маленькой комнатке, и там еще оставалось место для второй детской кроватки. Кухня была крошечная и совсем темная; но если держать дверь открытой, то в ней было достаточно светло, а места Жервезе хватало, – ведь не на тридцать же человек ей приходилось готовить! Что до большой комнаты, то она была гордостью супругов. Утром они задергивали над кроватью белый ситцевый полог, и комната превращалась в столовую: стол посередине и шкаф с комодом друг против друга. Они заделали камин, потому что он поглощал в день на пятнадцать су каменного угля, и поставили на мраморный выступ маленькую чугунную печку; в самые жестокие холода топливо обходилось всего в семь су.

Купо постарался придать стенам более приглядный вид и обещал разукрасить их со временем еще лучше. Вместо отсутствующего трюмо повесили большую гравюру, изображавшую маршала Франции с жезлом в руке, гарцующего верхом на коне, между пушкой и кучей ядер; на стене, над комодом, по обе стороны старенькой фарфоровой позолоченной кропильницы, в которой держали спички, выстроились в два ряда семейные фотографии; на карнизе шкафа друг против друга стояли два гипсовых бюста – Паскаль и Беранже: один серьезный, другой улыбающийся; рядом с ними висели часы с кукушкой, и казалось, оба бюста внимательно прислушиваются к их тиканью. Да, это была действительно отличная комната!

– Угадайте, сколько мы платим за квартиру? – спрашивала Жервеза каждого посетителя.

И когда тот называл слишком большую сумму, она, в восторге от того, что устроилась так хорошо и дешево, кричала:

– Полтораста франков и ни гроша больше!... А? Почти даром!

Но и сама улица радовала их не меньше, чем квартира. Жервеза то и дело прибегала домой с работы от г-жи Фоконье. Купо по вечерам спускался вниз и курил трубку на приступке лестницы. Улица без тротуаров, с выщербленной мостовой поднималась в гору. В верхнем конце ее помещались темные лавчонки с грязными окнами. Тут были сапожники, бочары, жалкая мелочная лавочка, прогоревший кабачок, ставни которого, давно запертые, были заклеены объявлениями. На другом конце, спускавшемся в сторону Парижа, громоздились пятиэтажные дома. Все первые этажи в них были заняты бесчисленными прачечными, ютившимися одна подле другой. Этот мрачный угол оживлялся

только витриной парикмахера, выкрашенной в зеленый цвет. Она была вся уставлена красивыми разноцветными флаконами и весело сверкала ярко начищенными медными тазиками. Но всего приятней была средняя часть улицы. Здесь стояли низенькие, далеко отстоявшие друг от друга домики, больше было воздуха и солнечного света. Каретные сараи, заведение искусственных минеральных вод, прачечная напротив – все это, казалось, расширяло молчаливый, спокойный простор; заглушенные голоса прачек и равномерное дыхание паровой машины словно еще более усиливали сосредоточенную тишину. Широкие пустыри и длинные проходы между черными стенами придавали местности деревенский вид. И Купо, развлекаясь наблюдениями над редкими прохожими, прыгающими через бесконечные ручейки мыльной воды, говорил, что все это напоминает ему места, куда он ездил с дядей, когда ему было пятнадцать лет. Но особенно радовало Жервезу дерево во дворе, налево от ее окна, – жидкая акация, одна ветвь которой вытянулась далеко вперед; ее чахлая листва скрашивала всю улицу.

Жервеза родила в последних числах апреля. Схватки начались после полудня, около четырех часов; она как раз гладила занавески у г-жи Фоконье. Она не захотела сразу уйти домой и, скорчившись, присела на стуле. Как только боли затихали, Жервеза хватала утюг и снова принималась гладить. Работа была спешная, и она упрямо старалась закончить ее. Кроме того, может быть, у нее просто болел живот, – не обращать же внимание на расстройство желудка! Жервеза принялась было уже за мужские сорочки, но вдруг побелела. Пришлось уйти из прачечной; согнувшись вдвое, придерживаясь за стены, она пошла домой. Одна из работниц предложила довести ее, но она отказалась и попросила только сбегать к повивальной бабке, по соседству, на улицу Шарбоньер. Особенно торопиться было не к чему. Схватки, наверно, продлятся всю ночь. Это, конечно, не мешает ей, вернувшись домой, приготовить обед для Купо, а потом уж она приляжет на минутку на кровать: раздеваться не стоит. Но на лестнице ее схватили такие боли, что она была принуждена сесть прямо на ступеньку. Чтобы не кричать, она зажимала себе рот обоими кулаками, потому что ей было стыдно: она боялась, как бы на ее крик не вышел кто-нибудь из мужчин. Наконец боли прошли, Жервеза с облегчением поднялась и дошла до своей квартиры; ей казалось уже, что она ошиблась. В этот день она готовила баранье рагу и котлеты. Пока она чистила картошку, все шло отлично. Котлеты были уже на сковородке, когда опять начались схватки. Слезы градом катились у нее из глаз, но она продолжала топтаться у печки; перевернула жаркое. Ну что ж из того, что она родит? Это еще не значит, что надо оставить Купо без обеда! Наконец рагу было поставлено на покрытые золою угли. Жервеза вернулась в комнату, собираясь постелить салфетку на краешке стола и достать прибор. Но

она едва успела поставить бутылку вина; добраться до кровати ей уже не хватило сил, – она упала на пол и родила тут же, прямо на рогожке. Через четверть часа пришла повивальная бабка и приняла ребенка.

Кровельщик все еще работал в больнице. Жервеза не позволила пойти за ним. Когда он вернулся, она уже лежала в кровати, закутанная в одеяло, слабая и очень бледная. Ребеночек, запеленутый в шаль, плакал в ногах у матери.

– Ах, бедная моя женка, – сказал Купо, обнимая Жервезу. – А я-то там балагурил, пока ты мучилась и кричала!.. Однако, как это у тебя скоро вышло! Не успеешь чихнуть, и уж готово!

Она слабо улыбнулась и прошептала:

– Девочка.

– Правильно, – отвечал кровельщик, посмеиваясь, чтобы ободрить ее. – А ведь я и заказывал как раз девочку! Вот она и поспела! Выходит, ты во всем угождаешь мне. – Он взял ребенка на руки и продолжал: – Позвольте взглянуть на вас, мадемуазель Замарашка!.. Рожица у вас совсем черная. Но не бойтесь, она еще побелеет. Надо только вести себя хорошо, не делать глупостей, расти умненькой, как папа и мама.

Жервеза с серьезным лицом смотрела на дочь широко открытыми, грустными глазами. Она покачала головой. Ей хотелось родить мальчика: мальчик всегда сумеет пробить себе дорогу в жизни, он не так рискует погибнуть в этом ужасном Париже. Повивальная бабка взяла ребенка из рук Купо. Кроме того, она запретила Жервезе говорить: уже и то плохо, что вокруг нее такой шум. Тогда кровельщик сказал, что нужно сообщить о событии мамаше Купо и Лорилле, но он умирает от голода и сначала хочет пообедать. Для роженицы было настоящим мучением смотреть, как он сам прислуживает себе, бегаёт на кухню за рагу, ест с разбитой тарелки, не может найти хлеба. Несмотря на запрещение, она волновалась, приходила в отчаяние и вертелась под одеялом. Как это глупо, что она не успела накрыть на стол! Боли схватили ее так внезапно, что она упала как подкошенная. А теперь она нежится в постели, когда ее бедный муж так плохо обедает! Он, наверно, рассердится на нее. Дожарилась ли, по крайней мере, картошка? Она даже не помнит, посолила ли ее.

– Да замолчите же! – закричала повивальная бабка.

– Запретите ей так убиваться, – говорил Купо с набитым ртом. – Если бы здесь не было вас, то, бьюсь об заклад, она бы встала, чтобы нарезать мне хлеба... Да лежи ты смирно, индюшка! Если будешь суетиться, то потом проваляешься две недели... Рагу просто великолепное. Вы, сударыня, не откажетесь покушать вместе со мной?

Повивальная бабка отказалась от еды, но зато охотно согласилась выпить стаканчик вина, – право, только потому, что она ужас как разволновалась, увидев несчастную женщину с малюткой прямо на полу. Наконец Купо ушел сообщить новость родным. Через полчаса он вернулся и привел супругов Лорилле, г-жу Лера, которую он как раз застал у них, и мамашу Купо.

Лорилле, видя, что молодая чета преуспевает, сделались очень любезными. Они постоянно превозносили Жервезу; но при этом всегда сопровождали свои похвалы какими-то неопределенными жестами, покачиванием головы, подмигиванием, как если бы они еще не решались высказаться окончательно. Словом, они свое знают, но просто не хотят идти против мнения всего квартала.

– Я привел к тебе всю компанию! – закричал Купо. – Ничего не поделаешь, хотят поглядеть на тебя... Не смей разевать рот, это тебе запрещается! Они посидят тут и будут тихонько глядеть на тебя, без всяких церемоний. Ведь так?.. Я сам сварю им кофе, и отличное!

Он скрылся в кухне. Мамаша Купо, расцеловав Жервезу, стала восхищаться, что ребенок такой крупный. Обе другие женщины тоже звучно поцеловали роженицу в щеки. Затем все они, стоя около постели, охая и восклицая, начали обсуждать эти необыкновенные роды. Все равно что зуб вырвать – не больше. Г-жа Лера, осмотрев девочку со всех сторон, объявила, что она прекрасно сложена, и добавила своим двусмысленным тоном, что из нее выйдет презамечательная женщина; но так как ей казалось, что головка у малютки чересчур вытянута, она, не обращая внимания на крики ребенка, стала легонько приминать ее пальцами, чтобы округлить. Г-жа Лорилле сердито вырвала у нее девочку из рук: кто же тискает такую нежную головку? Этак можно наделить ребенка бог знает какими пороками! Затем она стала отыскивать сходство. Лорилле стоял позади женщин и заглядывал на ребенка, вытягивая шею. Он все время повторял, что малютка совсем не похожа на Купо, разве нос чуть-чуть, да и то вряд ли! Девочка вся в мать, глаза неизвестно чьи, ясно: глаза ни в того, ни

в другого.

Купо между тем не появлялся. Слышно было, как он возится на кухне с печкой и кофейником. Жервеза из себя выходила: разве это мужское дело – варить кофе! И она, не обращая внимания на энергичные окрики повивальной бабки, все время громко объясняла мужу, что и как надо делать.

– Да уймите же вы ее! – сказал Купо, возвращаясь с кофейником в руке. – Ведь вот прилипла!.. Как ей неймется... Мы будем пить из стаканов, – ладно? Потому что, видите ли, чашки-то остались в магазине.

Все уселись вокруг стола; кровельщик взялся сам разливать кофе. Напиток оказался очень крепким, – это вам не какая-нибудь бурда!

Допив стакан, повивальная бабка ушла: все идет отлично, она уже не нужна; если ночь пройдет плохо, то можно будет прислать за ней утром. Не успела она еще спуститься с лестницы, как г-жа Лорилле уже обругала ее негодницей и дармоедкой. Кладет в стакан четыре куса сахара, берет пятнадцать франков и потом оставляет роженицу одну. Но Купо заступился за нее: он с удовольствием отдаст ей пятнадцать франков, – ведь эти женщины проводят всю молодость в ученье, они имеют основание дорого брать. Потом Лорилле стал спорить с г-жой Лера. Он утверждал, что для того, чтобы родился мальчик, необходимо ставить кровать изголовьем к северу, а она пожимала плечами, называла это ребячеством и говорила, что есть другое средство, а именно – тайком от жены засунуть под тюфяк пучок свежей крапивы, сорванной на припеке.

Стол придвинули к кровати. Жервеза, которой мало-помалу овладела страшная усталость, до десяти часов пролежала, тупо улыбаясь, бессильно откинув голову на подушку. Она слышала и видела все, но у нее не было сил ни пошевелиться, ни вымолвить хотя бы слово. Ей казалось, что она уже умерла и смерть была сладостна; но ей приятно было видеть, что другие живы; она смотрела на них как бы издалека, из мира смерти.

По временам крики малютки, прорывавшиеся сквозь гул грубых голосов, возбуждали в ней какие-то нескончаемые мысли об убийстве, совершенном накануне на улице Бон-Пюи, на другом конце предместья Шапель.

Когда гости стали собираться домой, зашел разговор о крестинах. Молодые супруги попросили Лорилле быть крестным отцом и матерью, и те согласились с весьма кислым видом, хотя были бы очень удивлены, если бы к ним не обратились с этой просьбой. Купо вовсе не считал необходимым крестить девочку: ведь от этого она не станет ни богаче, ни счастливее, – а вот простудиться может. Чем меньше иметь дела с попами, тем лучше. Но мамаша Купо назвала его безбожником. Лорилле тоже не слишком-то докучали господа богу визитами в церковь, но тем не менее хвастались своей религиозностью.

– Назначим на воскресенье, ладно? – сказал цепочный мастер.

Жервеза кивком головы выразила свое согласие. Все поцеловали ее и пожелали скорее поправиться. Потом попрощались и с малюткой. Каждый считал своим долгом наклониться с улыбкой над маленьким дрожащим тельцем и сказать несколько нежных слов, как будто крошка могла что-нибудь понять. Ее называли Нана, уменьшительным от имени Анна, – так звали ее крестную мать.

– Прощай, Нана... Ну, девочка, расти красавицей!

Когда все, наконец, ушли, Купо придвинул стул поближе к кровати и закурил трубку. Он был очень растроган. Держа руку Жервезы в своей руке, он медленно курил и между затяжками бросал фразы:

– Ну что, старушка моя, совсем тебя замучили? Ты понимаешь, я не мог помешать им прийти. И потом, это все-таки доказывает, что они хорошо к нам относятся... Но вдвоем нам лучше, – правда? Мне все время так хотелось остаться с тобой, вот как сейчас. Вечер казался мне таким длинным!.. Бедная моя курочка! Как ей было больно! Эти карапузики, появляясь на свет, и не помышляют о том, что причиняют такую боль. Право, я думаю – это все равно, как если тебе разрывают живот... Где у тебя болит? Дай, я поцелую.

Он осторожно просунул под спину Жервезы свою большую руку, приподнял ее и поцеловал живот через простыню. Он был охвачен грубой мужской нежностью к этому страдающему, только что родившему телу. Он спрашивал Жервезу, не делает ли он ей больно, и предлагал подуть на больное место, говоря, что от этого ей полегчает. Жервеза чувствовала себя счастливой. Она уверяла его, что все уже прошло. Ей хотелось только как можно скорее встать, потому что теперь нельзя сидеть сложа руки. Купо успокаивал ее. Разве он не обязан зарабатывать

на дочурку? Он был бы сущим негодяем, если бы взвалил малютку на шею Жервезы. Сделать ребенка дело не хитрое, – вся штука в том, чтобы прокормить его.

В эту ночь Купо не заснул ни на минуту. Он поддерживал огонь в печке и то и дело вставал, чтобы дать ребенку теплой подсахаренной воды с ложечки, а утром ушел на работу в обычный час. Он даже успел в обеденный перерыв сбегать в мэрию и сделать запись о рождении. Г-жа Бош, по его просьбе, пришла посидеть днем около больной. Жервеза проспала десять часов без просыпа и, едва открыв глаза, стала жаловаться, что ей больше невтерпех валяться. Она и впрямь заболит, если ей не позволят встать с постели! Вечером, когда вернулся Купо, Жервеза стала донимать его: конечно, она питает к г-же Бош полное доверие, но все-таки ей невыносимо видеть, как чужая женщина хозяйничает в ее комнате, открывает ящики, трогает ее вещи. Когда на следующий день привратница, которую она попросила за чем-то сходить, вернулась, она застала роженицу уже на ногах, одетой, – Жервеза подметала комнату и стряпала мужу обед. Ни за что не хотела она снова лечь в постель. Смеются они над ней, что ли? Хорошо барыням корчить из себя больных. У бедняка не хватает на это времени!.. Через три дня после родов Жервеза уже гладила юбки у г-жи Фоконье и ворочала утюгом, обливаясь по?том перед раскаленной печью.

В субботу вечером г-жа Лорилле принесла крестнице подарки: чепчик ценою в тридцать пять су и плиссированную крестильную рубашечку, отделанную кружевцами, – она была старенькая и потому стоила только шесть франков. На следующее утро Лорилле, крестный отец, преподнес роженице шесть фунтов сахара. Они делали все честь честью. Даже вечером, на обед, который устроили Купо после крестин, они явились не с пустыми руками. Лорилле принес две запечатанные бутылки вина, а жена – большую сладкую лепешку, купленную у очень известного кондитера на улице Клиньянкур. Впрочем, Лорилле растрезвонили о своей щедрости по всему кварталу: они истратили около двадцати франков. Жервеза, узнав об этих сплетнях, пришла в бешенство и с тех пор перестала верить их любезностям.

С этого вечера супруги Купо сблизились со своими соседями по лестнице. Вторую квартиру наверху занимало двое жильцов – мать и сын Гуже. До сих пор Купо только раскланивались с ними при встречах на лестнице или на улице; дальше знакомство не шло. Соседи казались немного нелюдимыми. Но на следующее утро после родов г-жа Гуже принесла Жервезе ведро воды, и та сочла себя обязанной пригласить соседей на обед, тем более что они очень

нравились ей. Таким образом завязалось знакомство.

Гуже были из Северного департамента. Мать занималась починкой кружев, а сын, кузнец, работал на гвоздильном заводе. Они жили в этой квартирке уже пять лет. За их тихой и мирной по внешности жизнью скрывалось давнишнее большое горе: когда они жили в Лилле, отец Гуже, напившись однажды пьяным, в припадке бешенства убил железным ломом товарища, а потом удавился в тюрьме собственным шейным платком. Вдова и сын переехали после несчастья в Париж; придавленные своим горем, они искупали прошлое суровой, честной жизнью, кротостью и неизменным мужеством. Пожалуй, они прониклись даже чувством некоторой гордости, ибо мало-помалу убедились, что другие хуже их. Г-жа Гуже всегда ходила во всем черном и носила монашеский головной убор. У нее было бледное, строгое лицо; казалось, белизна кружев и тонкая ручная работа накладывали на нее печать чистоты. Гуже-сын был великолепный двадцатитрехлетний гигант, краснощекий, голубоглазый и невероятно сильный. Товарищи по мастерской прозвали его «Золотой Бородой» за его прекрасную русую бороду.

Жервеза сразу почувствовала глубокую симпатию к этим людям. Когда она пришла к ним в первый раз, ее восхитила чистота квартирки. Нигде ни пылинки! Пол блестел, как зеркало. Г-жа Гуже показала Жервезе комнату сына, нарядную и чистенькую, как комната девушки: узкая железная кровать с кисейными занавесками, стол, туалетный столик, книжная полка, прибитая к стене. Стены были сверху донизу увешаны картинками, вырезанными фигурками, раскрашенными гравюрами на гвоздиках, бесчисленными портретами из иллюстрированных журналов. Г-жа Гуже, улыбаясь, говорила, что ее сын все еще большое дитя: по вечерам, устав от чтения, он развлекается, разглядывая картинки. Жервеза незаметно просидела у соседки целый час, глядя, как та работает у окна. Она с любопытством смотрела на множество булавок, которыми придерживалось кружево; ей было очень приятно здесь, в этой атмосфере чистоты и спокойствия, в этой сосредоточенной тишине, необходимой для тонкой работы. Чем ближе она знакомилась с Гуже, тем больше убеждалась, какие это порядочные люди. Они работали не покладая рук и больше четверти своего заработка откладывали на книжку в сберегательную кассу. В квартале с ними почтительно раскланивались и не прочь были поговорить об их сбережениях. Гуже был всегда аккуратно одет, ходил в чистенькой блузе без единого пятнышка. Он был чрезвычайно вежлив и даже немного робок, несмотря на свои саженные плечи. Прачки с нижнего конца улицы посмеивались, глядя, как он, проходя мимо, опускает глаза. Он терпеть не мог грязных шуточек, ему казалось отвратительным, что у женщин вечно непристойности на языке.

Однако как-то он пришел домой подвыпивши. Тогда г-жа Гуже, вместо всяких упреков, показала ему портрет отца – портрет, очень плохо нарисованный, но тщательно хранившийся на дне одного из ящиков комода. После этого укора Гуже никогда не пил лишнего, хотя, вообще говоря, он не относился к вину враждебно, считая, что рабочему человеку полезно выпить. По воскресеньям он отправлялся гулять под руку с матерью, – большей частью они ходили в Венсен; иногда он водил ее в театр. Он обожал свою мать и все еще относился к ней как мальчик. Настойчивый, с грузным телом, огрубевшим от тяжелой работы молотобойца, он был похож на какое-то животное, туповатое, но добродушное...

Первые дни Жервеза очень смущала его. Однако через несколько недель он привык к ней. Он поджидал ее, чтобы помочь ей нести узлы с бельем, вырезывал для нее картинки и обращался с ней просто и грубовато, как с сестрой. Но однажды он вошел к ней утром, не постучавшись, и застал почти голую: она мыла шею. Целую неделю после этого он не решался посмотреть ей в глаза, так что под конец она и сама стала краснеть при встрече.

Купо, как истый парижанин и разбитной малый, находил, что Золотая Борода придурковат. Конечно, хорошо быть скромным, не напиваться, не заигрывать с девчонками на улице, но как-никак мужчина должен быть мужчиной, иначе лучше уж и впрямь надеть юбку! Купо высмеивал кузнеца в присутствии Жервезы и уверял, что этот тихоня строит глазки всем женщинам квартала, а соблазнитель Гуже отчаянно защищался. Это не мешало им быть друзьями. Утром они окликали друг друга, вместе выходили на работу, а перед возвращением домой выпивали иногда пару пива. После крестин они перешли на «ты», потому что если говорить «вы», фразы выходят гораздо длиннее. Их дружба не шла дальше этого, пока Золотая Борода однажды не оказал Смородинке услугу, – одну из тех услуг, которые не забываются всю жизнь. Это случилось 2 декабря. Кровельщик потехи ради пошел «посмотреть на восстание». В сущности, ему было наплевать и на Республику, и на Бонапарта, и вообще на все решительно, но просто ему нравился запах пороха, его забавляли выстрелы. И в результате его чуть не сцапали за одной из баррикад. К счастью, кузнец, случайно оказавшийся там, заслонил его своим огромным телом и помог ему убежать.

Возвращаясь по улице Фобур-Пуассоньер, Гуже шагал быстро, с задумчивым видом. Он интересовался политикой и сочувствовал Республике во имя справедливости и народного блага. Однако он не принял участия в восстании и подробно объяснял, почему именно: народ несет на себе всю тяжесть восстаний,

а буржуазия загребает жар чужими руками, – февраль и июнь были прекрасными уроками в этом смысле. Теперь предместья больше уже не станут вмешиваться в свалку. Пусть город разделяется собственными силами. Поднявшись вверх по улице Пуассонье, Гуже обернулся и поглядел вниз, на Париж. А все-таки там, внизу, творится предательское дело. Когда-нибудь народ еще раскается, что смотрел на это сложа руки... Но Купо посмеивался и называл ослами и идиотами всех, кто рискует собственной шкурой только для того, чтобы обеспечить двадцать пять франков в день проклятым бездельникам, заседающим в Палате. Вечером супруги Купо пригласили обоих Гуже к себе обедать. За сладким Смородинка и Золотая Борода расцеловались. Отныне они стали друзьями на всю жизнь.

В течение трех лет жизнь двух семейств, по обе стороны площадки, проходила мирно и однообразно, без всяких событий. Жервеза воспитывала девочку, работала и ухитрялась терять не больше двух рабочих дней в неделю. Она сделалась отличной мастерицей и стала зарабатывать до трех франков в день. Ввиду этого она решилась отдать Этьена, которому шел уже девятый год, в маленький пансион на улице Шартр. Она платила за него пять франков в месяц. Несмотря на то, что приходилось кормить двух детей, Жервеза и Купо ежемесячно откладывали от двадцати до тридцати франков в сберегательную кассу. Наконец их сбережения достигли шестисот франков. С этого времени Жервеза потеряла покой. Ею овладела честолюбивая мечта – открыть свою собственную прачечную и самой нанять работниц. Она высчитала все. Через двадцать лет, если дело пойдет на лад, у них будет небольшой капитал, и они смогут поселиться где-нибудь в деревне. Но она еще не осмеливалась рискнуть и, чтобы успеть хорошенько обдумать все обстоятельства, говорила, что подыскивает помещение. Ведь деньги в сберегательной кассе не пропадут; наоборот, на них нарастают проценты. За три года Жервеза исполнила только одну свою мечту – купила часы из палисандрового дерева с витыми колонками и позолоченным медным маятником. Эти великолепные часы были куплены в рассрочку: она обязалась целый год выплачивать по одному франку в неделю. Когда Купо покушался заводить часы, она сердилась: ей одной принадлежало право снимать с них стеклянный колпак. Она вытирала колонки с таким благоговением, точно мраморная доска комода превратилась в церковный алтарь. Под колпаком, за часами, она прятала сберегательную книжку. И часто, мечтая о собственной прачечной, она забывалась перед циферблатом, пристально следя за движением стрелок, как бы ожидая наступления решительной, торжественной минуты.

Почти каждое воскресенье супруги Купо отправлялись гулять вместе с Гуже. Это были чудесные прогулки. Компания доходила до Сент-Уэна или Венсена и там скромно закусывала в садике перед рестораном жареной рыбой или кроликом. Мужчины выпивали, но только чуть-чуть, и возвращались трезвые, – ни в одном глазу, – ведя дам под руку. Вечером, прежде чем разойтись спать, оба семейства подсчитывали, сколько истрачено, и делили расходы пополам: никаких споров из-за лишнего су никогда не выходило. Лорилле сильно ревновали к Гуже. Им казалось странным, что Купо и Хромуша проводят все свободное время с чужими людьми, когда у них есть своя родня. Теперь они родных ни в грош не ставят! Стоило им скопить несколько франков – и они уже задрали нос! Г-жа Лорилле бесилась, что брат ускользает из-под ее влияния, и снова начала рассказывать про Жервезу разные гадости. Г-жа Лера, наоборот, приняла сторону молодой женщины, защищала ее и выдумывала самые невероятные приключения, в которых якобы участвовала Жервеза. Она рассказывала, как вечером, на бульваре, на Жервезу напали какие-то негодяи, какие-то мерзавцы, которые покушались на ее честь; Жервеза, по словам г-жи Лера, надавала обидчикам оплеух и вышла победительницей, совсем как какая-нибудь героиня в драме. Что касается мамыши Купо, то она старалась примирить обе стороны и жить в ладу со всеми: зрение ее все больше и больше портилось, ей трудно было работать, и она рада была получать подачки и от тех и от других.

В день, когда Нана исполнилось три года, Купо, вернувшись домой, нашел Жервезу чрезвычайно взволнованной. Она не хотела говорить, в чем дело, и уверяла, что ничего решительно не случилось. Но видя, что Жервеза стелет скатерть наизнанку, внезапно останавливается с тарелками в руках и впадает в глубокое раздумье, Купо потребовал объяснений.

– Ну, ладно, вот в чем дело, – призналась она наконец. – Сдается... мелочная лавочка на улице Гут-д'Ор... Я сама видела, когда ходила за нитками, – час назад. Это меня и взбудоражило.

Дело шло об очень приличной лавочке в том самом большом доме, где Жервеза и Купо некогда мечтали поселиться. Кроме торгового помещения, там было еще три комнаты: одна позади лавочки, а две другие слева и справа. В конце концов это было то самое, что им нужно, – правда, комнаты немного малы, но зато очень удобно расположены. Смущала Жервезу только высокая цена. Хозяин просил пятьсот франков в год.

– Так ты, значит, уже была у него и справлялась о цене? – спросил Купо.

– Ну, знаешь, просто из любопытства, – ответила Жервеза, притворяясь равнодушной. – Когда ищешь, заходишь повсюду, где только ни вывешен билетик. Это ведь ни к чему не обязывает... Но тут и в самом деле слишком дорого. Впрочем, может быть, и вообще глупо заводить свою прачечную.

Однако после обеда она снова вернулась к вопросу о мелочной лавочке. Она набросала на газете ее план и, постепенно увлекшись, стала рассчитывать и размерять помещение, распределять комнаты, как будто завтра должна была перебраться туда с пожитками. Тогда Купо, видя, как ей этого хочется, стал уговаривать ее снять лавочку: все равно дешевле пятисот франков приличного помещения не найти; кроме того, быть может, удастся выторговать небольшую скидку. Единственно неприятное во всем этом, что придется жить в одном доме с Лорилле, которых она терпеть не может. Но Жервеза рассердилась и заявила, что она ни к кому не питает ненависти. Желание снять лавочку до того разожгло ее, что она даже стала защищать Лорилле: в сущности, они вовсе не плохие, с ними можно отлично поладить. И когда супруги, наконец, улеглись и Купо заснул, Жервеза все еще продолжала мысленно устраивать новое помещение, не принимая, однако, определенного решения снять его.

Назавтра, оставшись одна, она не смогла удержаться от искушения поднять колпак от часов и посмотреть на свою сберегательную книжку. Подумать только, что вся ее прачечная была здесь, на этих некрасивых листках, исписанных каракулями. Прежде чем уйти на работу, она зашла посоветоваться к г-же Гуже; та очень одобрила ее проект завести прачечную: с таким работающим, непьющим мужем, как Купо, дела у нее пойдут прекрасно, она не рискует прогореть. В обеденный перерыв Жервеза сбегала к Лорилле, чтобы узнать и их мнение; ей не хотелось, чтобы про нее говорили, будто она скрывает свои дела от родных. Г-жа Лорилле была поражена. Как? Хромуша заводит свою прачечную? Она готова была лопнуть от злости и зависти, но, тем не менее, пробормотала, что она рада, что лавка эта очень удобна и Жервеза безусловно хорошо сделает, если снимет ее. Однако, оправившись от первого потрясения, супруги Лорилле стали говорить, что на дворе сыро, а в первом этаже темно. Там недолго и ревматизм нажить. Но ведь если она уже решила снять эту лавочку, то, конечно, их соображения все равно не будут приняты во внимание. Не так ли?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/emil-zolya/zapadnya-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)